

НИК ПЕРУМОВ

ВОЙНА МАГА КОНЕЦ ИГРЫ

ТОМ 4 ЧАСТЬ 1
Летописи разлома

Миры Упорядоченного

Ник Перумов

**Война мага. Том 4.
Конец игры. Часть 1**

«Автор»

2006

Перумов Н.

Война мага. Том 4. Конец игры. Часть 1 / Н. Перумов — «Автор»,
2006 — (Миры Упорядоченного)

ISBN 978-5-222-37070-4

История некроманта заканчивается. Заканчивается масштабно, с неожиданными поворотами в последний момент, с жертвами и с грустью.

На затерянном среди морей Эвиала островке Утонувший Краб пересекутся наконец десятки историй и сюжетных линий. В войне за судьбы миров и всего Упорядоченного сойдутся все силы. Бог встанет плечом к плечу со смертным, тёмный эльф со светлым, некромант с инквизитором. А победить сможет даже не тот, кто обладает Мечами, из-за которых и разразилась эта борьба, а тот, кто обладает силой воли и способностью принимать нелёгкие решения.

ISBN 978-5-222-37070-4

© Перумов Н., 2006

© Автор, 2006

Содержание

Интерлюдия I	6
Глава первая	23
Глава вторая	43
Глава третья	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Ник Перумов

Война мага. Том 4. Конец игры. Часть 1

Автор сердечно благодарит всех, без кого эта книга – как и весь цикл «Хранитель Мечей» – никогда не смогла бы появиться на свет, кто сделал всё, чтобы она стала лучше:

Веру «Аэтернитатис» Бокову (Таганрог), с особыми благодарностями за невероятно скрупулёзный поиск ошибок,

Веру «Гатти» Камшу (Санкт-Петербург), с особыми благодарностями за неоценимую помощь в обсуждении последних глав книги,

Сергея «Мерлина» Разарёнова (Москва), с особыми благодарностями за дружескую поддержку,

Владимира «Орка» Смирнова (Москва), с особыми благодарностями за общие оценки текста и внимательность при отыскании ошибок,

Загадочного и таинственного Маймонида, пожелавшего остаться Анонимным, с особыми благодарностями за непредвзятый и нелицеприятный анализ,

И также особо – Владимира «Олмера» Смирнова, создавшего сайт www.olmer.ru, «Цитатель Олмера».

Интерлюдия I

Пустой замок на красной скале продолжал свой полёт, беззвучный, неостановимый. Ему безразлично было, куда лететь, пусть даже навстречу разгорающимся небесным пожарам. Гордый и надменный, он приближался сейчас к полыхающему зелёным пламенем горизонту, рваные облака под плавающим в пустоте исполинским камнем словно сжались, сбились вместе; изумрудное сияние поднималось всё выше.

Не останавливаясь, замок гордо всплыл прямо в объятия призрачно-пламенного занавеса, и красная скала мгновенно вспыхнула, рассыпаясь чёрной золой. Стены и башни оказались куда крепче: они потемнели, отдельные камни раскололись, трещины иссекли внешнюю броню, решётки покорёжило, но твердыня Хедина не сдавалась.

И лишь когда под крепостными фундаментами не осталось ничего, кроме пламени, когда красный камень обернулся невесомым прахом, замок остановился. Завис на миг, словно прыгун над бездной, – и беззвучно канул, рухнул вниз, на лету разламываясь и обращаясь в руины. Балки, стропила, всё, что могло гореть, – вспыхнуло, но камень так и не поддался врагу.

Он не поддался, но самой цитадели Нового Бога больше не существовало.

* * *

– Спасибо тебе, Эйвилль, – повторил Хедин.

Познавший Тьму застыл, вскинув голову и обратив взгляд к бушующему в небесах шторму. Буря пожирала облака, втягивая их в себя, и безжалостно рвала на множество мгновенно тающих лоскутьев. Уже ничто не напоминало вычерченную на земле фигуру, изображавшую звёздные сферы Кирддина; слепая глазница, пустой провал черепа, медленно надвигалась, словно исполинский мертвец неспешно приближал оставшееся от лица к истомлённой плоти мира.

Конец нити уходил далеко, очень далеко, но не к пределам Хаоса и (на что втайне надеялся Хедин) не к чему-то непонятному, неведомому, на что он смог бы уверенно прилепить ярлык «обиталище Дальних».

Собственно, за долгие века того, что иные хронисты поименовали бы «властью над Упорядоченным», его владыки так и не нашли никаких следов загадочной расы, своих самых упорных и ловких врагов; существ – или сущностей?

Ни городов, ни храмов, ни крепостей. Попадались изредка места, где Дальним «поклонялись». Им служили, но не как Дальним, о которых всего и известно, что одно лишь название; служили тем или иным богам. Однако в капищах и храмах обязательно находилось место зеленоватому кристаллу, способному полыхать холодно-изумрудным пламенем.

Несколько раз Ракот, ненавидевший бездействие, наверное, даже сильнее, чем Молодых Богов, Ямерта и сродственников, устраивал походы против этих твердынь. Чтобы не нарушать Закон Равновесия, он обращался к аватару грубого варвара, силача с чёрными волосами и синими, словно холодное северное небо, глазами.

Его армии – никакой магии, одни честные мечи да копьё! – брали крепости штурмом. Жрецов, если они оказывались мрачными изуверами, практиковавшими изощрённые пытки и ритуальный каннибализм (читай – одну из самых сильных разновидностей магии крови), без долгого разбирательства допрашивали и развешивали вверх ногами на карнизах их собственного капища, каковое немедленно предавалось огню. Особые сотни оставались «на костях», дабы удостовериться, что очистительного пламени не пережил ни один из негодяев.

Ничего не помогало. Ни один из схваченных так и не смог навести на след неуловимого врага. Образы «повелителей» являлись жрецам и аколитам исключительно в глубине зелёных кристаллов и, разумеется, не имели ничего общего с истинным обликом тех, кто вещал из смарагдовых глубин.

Взъярившись, Ракот как-то раз собственной волей стёр во прах целую горную цепь, окружавшую один из таких «монастырей», но всё равно ничего не добился.

Хедин вспомнил монастырь в Бруневагаре, его «настоятеля» и Ночных Всадниц, учениц Сигрлинн. Великая чародейка, похоже, вела свою собственную войну с Дальними; но теперь, увы, её не спросишь и не позовёшь на помощь.

– Бруневагар оставим на закуску, – покачал головой тогда Хедин. – Он ведь, похоже, ничем не отличается от других, верно, Ракот?

Мрачный великан молча кивнул.

– Оставим напоследок, – повторил Познавший Тьму, и на том разговор закончился.

Сейчас Хедин боялся даже дышать, чтобы только не спугнуть удачу.

«Хитры вы, хитры, но не хитрее меня. Ловко всё подстроили, знаете, как сбить с толку Читающих, но глубины мастерства Эйвилль вы не предусмотрели. Великие, вы надменно взирали на своих недругов, зная, что никто, кроме лишь Новых Богов, скованных по рукам и ногам проклятым Равновесием, не в силах вам противостоять. Однако и на вас нашлась-таки управа. Эльфы-вампиры, об этом вы даже и не подумали и не смогли от них закрыться. А Эйвилль – взяла и укусила!..

Собрать всех подмастерьев, послать полки. Это не какая-то тайная крепость, даже не последняя Тёмная Цитадель Ракота, о которую Ямерт со товарищи поломали в своё время немало зубов. Самый обыкновенный, самый заштатный мирок с самой обыкновенной магией, какую только можно себе вообразить. Он не закрыт, подобно Эвиалу. И не ключевой, как Хьёрвард или Мельин. Не мир с естественными порталами вроде Зидды или Скробока. Таких, как он, – мириады, и даже больше. Перебирать по одному – не хватит вечности. Не хватит времени даже владыкам Упорядоченного, брось они все остальные дела и отдайся одному лишь поиску.

Но теперь, враги мои, вас ожидают некоторые неприятности.

Думать об этом оказалось непривычно и пугающе сладко, так что Хедин поспешно остановил разогнавшиеся мысли. Испытывать упоение местью достойно Ракота. Познавший Тьму не смеет даровать себе подобного удовольствия.

Но чувство казалось поистине блаженным. Стоять в самом начале тёплого, верного следа тех, кто ускользал от него столько веков, кто разил из-за угла и бил в спину, сам всё время оставаясь безнаказанным!..

– Позвать Гелерру, – не поворачивая головы, бросил Познавший Тьму, в полной уверенности, что обязательно найдётся, кому передать его приказание. – Допрос пусть продолжает Ульвейн.

Не истекло и десятка ударов сердца, а прекрасная гарпия уже застыла на одном колене перед обожаемым повелителем.

– Счастлива исполнить слово великого Хедина.

Брат Ракота только безнадежно вздохнул. Некоторых вещей невозможно добиться даже от самых верных слуг и подмастерьев.

– У нас есть направление. И мир, в котором кончается тропа, протянувшаяся из Кирдина. Я доверяю тебе больше всех, Гели. Возьми своих и отправляйся немедленно. Чтобы пересечь Межреальность, потребуется время. Ни я, ни мой брат не будем вас прикрывать, враг ничего не должен заподозрить...

Гарпия истоиво закивала.

– Мы рассыплемся, великий Хедин. Самое большее – по трое...

– Верно. Не горячись, Гели, и не вздумай скромничать. Возьми с собой всех, кроме лишь абсолютно необходимых здесь, в Кирддине.

– Но порталы... армия вторжения... быкоголовые...

– С ними мы справимся сами. Ульвейн расскажет мне, что вы узнали, а ты – не мешкай! Прихвати с собой вот это – с его помощью пошлешь мне весть.

В тонкую ладонь гарпии лёг прозрачный розоватый кристалл, с половину большого пальца; на первый взгляд ничего особенного, но...

– Он позволит тебе говорить со мной, какая бы магическая буря ни бушевала вокруг. Я боюсь выдать тебя этим, поэтому сам за тобой следить не смогу, не буду знать, где ты находишься. Так что ты уж, пожалуйста, докричись до меня сама. – Познавший Тьму слегка улыбнулся, вернее, заставил себя слегка улыбнуться; ведь ей это так важно...

Гелерра поспешно кивала, обеими руками прижимая кристалл к груди.

– Исполню всё, – повторила она. – Пусть повелитель не сомневается в своей верной слуге.

– Я не сомневаюсь, Гели, иначе не просил бы тебя взяться за подобное.

Ну, вот. Кажется, сейчас разрыдается от восторга. Нет, вроде бы справилась...

Стоявшая (прямо в грязи) на одном колене гарпия вновь истово поклонилась, почти упираясь лбом в землю, расправила крылья и рванулась прямо в небо. Крошечная светящаяся фигурка наискось пронеслась по тёмному диску близящейся бури и пропала за горизонтом.

– Тропу Эйвиль разглядела, – пробормотал Хедин себе под нос. – А имён не назвала. Не смогла узнать? Или у тех, на другом конце, имён вообще не бывает?

Впрочем, у него есть самое главное. След. Чёткий след и его столь же чёткое окончание. В мире под названием... какая разница, как он называется! Важно, что он ничем, совершенно *ничем* не примечателен.

Так почему же он посылает вперёд Гелерру, отчего не отправляется сам, послав весть Ракоту, собрав все полки, подобно тому, как он собирался на штурм Брандея?

Предчувствие.

То самое, что вело вперёд и вперёд тогда, в давно минувшие годы, когда он ещё оставался самим собой, Познавшим Тьму, а не Новым Богом, на чьи плечи давит груз всего Упорядоченного.

Да, он отправил гарпию навстречу страшной опасности. Но, если уж выбирать, то её – если придётся, она умрёт со всё тем же огнём в глазах и со «славой великому Хедину!» на устах. Она умрёт счастливой.

Привык двигать фигурки по тавлейному полю, правда, Познавший Тьму? И, что особенно отвратительно, по-другому нельзя. Какой же ты после этого, если разобраться, Бог? Так, нечто вроде домоправителя, которому уехавшие хозяева вручили ключи, строго-настрого указав, что он может делать, а что – ни под каким видом. И, опять же, к сожалению, этих хозяев не обманешь и не слукавишь. Иногда Хедину казалось, что он ощущает на себе странный взгляд – из ничего, из пустоты. Взгляд не четырёхзрачковых глаз (что он ещё бы понял) – нет, на него словно бы пристально глядело «само Упорядоченное», хотя Познавший Тьму прекрасно понимал, что это-то как раз и может быть только и исключительно поэтическим преувеличением.

Он упрямо встряхнулся. Сжал кулаки, запрокинул голову, вновь и вновь вглядываясь в далёкие звёздные огоньки. Бедные смертные, сколько ж они мучаются, пытаются понять их природу! А звёзды – они ведь всюду разные, в каждом мире, в каждом уголке Упорядоченного. Где-то – огромные пылающие шары, где-то – хрустальные лампадки в бесплотных руках плывущих по чёрному своду духов; Упорядоченное воистину огромно, необозримо, оно небесконечно, но вмещает в себя всё, что только может прийти на ум.

«Нет, мои бесценные враги, – подумал Познавший Тьму, не отрывая взгляда от усеянного ночными светилами тёмного купола. – Я умею ждать не хуже вас. Вы привыкли рассчитывать и планировать так, чтобы *никогда*, до самого последнего момента, не появляться на поле боя

самим, – жестокие уроки Хединсея усвоены хорошо. Разумеется, у вас есть какой-то отнорок. Отнорок в ваше *истинное* обиталище – за все бесконечные века я так и не понял, где же оно, в пределах Упорядоченного или, быть может, где-то во владениях Хаоса (я уже всё готов принять, даже такой абсурд?).

Гелерра спугнёт вас, но вы решите, что это – не более чем случайность, что Новые Боги слепо тычут наугад растопыренными пальцами, норовя изловить чёрную кошку в тёмной комнате. Вы ведь преисполнены такого самодовольства, вы кажетесь себе такими умными, такими проницательными, вам и в голову прийти не может, что Хедин с Ракотом отправят против вас горстку подмастерьев во главе с восторженной гарпией, вы ведь станете ожидать настоящего штурма, неисчислимых ратей – подобно тому, что мы собирали, отправляясь в поход против Брандея.

Вы, конечно же, заметите их. Может, даже сперва отбросите. Так просто Гелерра не сдастся, не из таких.

А потом в дело вступит Эйвилль.

И тут, я надеюсь, вы совершите ошибку. Хотя бы один раз, попытаетесь достать меня через неё.

А пока – пока мне следует заняться Кирддином: порталами, новыми поселенцами, быко-головыми, и так далее и тому подобное.

И ждать вестей от Ракота из Зидды».

...Рядом с задумавшимся Хедином прозрачной тенью возник один из эльфов-вампиров. Познавший Тьму не обернулся. Приближённый Эйвилль поспешно опустил на одно колено.

– Великий, она просит есть. Велела идти к тебе.

– Я помню, – холодно, не поворачивая головы отозвался Хедин. Побороть извечное отвращение Истинного Мага к вампирам непросто. Иным это не удаётся и за много столетий. Эйвилль была исключением, но расположение к ней не распространилось на её спутников.

– Она просит есть, – чуть настойчивее проговорил, вернее, прошептал-прошипел вампир. – Она отдала все силы, повелитель. Ты обещал...

Хедин не повёл и бровью.

Когда-то, давным-давно, в пору расцвета его Поколения, когда Замок Всех Древних высился в полной своей красе и величии, среди многих законов действовал и такой, что запрещал прямое убийство Истинным Магом смертного. Хороший закон, Хедин вспоминал о нём не раз и не два, уже сделавшись Новым Богом, жалея о его падении; однако запрет никогда не распространялся на уже умерших, на тех же вампиров; и нынешний Закон Равновесия, связывавший Новых Богов по рукам и ногам, этого не запрещал также.

Потомство Эйвилль, её выкормыши не утратили многих талантов из свойственного расе эльфов – вампир мгновенно ощутил закипающий гнев того, кто (отлично знал он) мог в единый миг обратить и его, и сотворившую его мать-Эйвилль в кучку невесомого пепла; причём для этого Хедину не потребовалось бы никакого оружия.

– Простите, повелитель... – давно уже мёртвый эльф, лишившийся, в отличие от Эйвилль, даже имени, послушно упал на оба колена, склонив лицо к самым сапогам Нового Бога. Обычным сапогам, какие носили, выходя в море, свободные ярлы Восточного Хьёрварда.

– Скажи Эйвилль – я сейчас буду, – не глядя на вампира, бросил Познавший Тьму.

Тот поспешил убраться, исчезло лёгкое гнилостное дуновение, что Хедин всегда ощущал в их присутствии.

Это тебе придётся сделать самому, Познавший Тьму. Когда-то давно ты без колебаний бы отправил под клыки столь полезной для тебя вампирессы любого, кто подвернётся под руку, а потом сам и убил бы, да так, чтобы тот уже никогда не вылез бы больше на белый свет. Эх, всё ушло, всё. Свобода, решительность, беспощадность. Равновесие, оно, опять оно, проклятое; сейчас Хедин как никогда хорошо понимал Ракота. Конечно, куда лучше обернуться мускули-

стым варваром (Познавший Тьму усмехнулся) и очертя голову броситься в бой, чем... чем вот так, как он.

Однако этот вампир прав в одном, одёрнул себя Хедин. Эйвилль действительно нуждается в помощи.

Познавший Тьму вошёл в шатёр. Вампириша лежала на его ложе, бледное, снежно-белое лицо среди вороха чёрных мехов – и откуда только натащили таких?

– Повелитель... – на самом пределе слуха, даже его, Нового Бога.

– Всё будет хорошо, Эйвилль. – Порой надо произносить именно такие, ритуальные и ничего не значащие фразы. – Ты измоталась. Отдохнёшь, и...

– Есть... – моляще шепнула вампириша. – Повелитель... не могу... ухажу... я... отдала больше, чем следовало... простите меня, повелитель, но... нужна кровь, иначе...

На лице Хедина ничего не отразилось.

– Разве я сказал, что ты не получишь потребного, Эйвилль? – мягко проговорил он, присаживаясь на край ложа. – Разве я заставлю тебя голодать? Особенно после того, как ты навела меня на след? И разве не обещал я тебе *крови богов*?

По лепному, безжизненному лицу пробежала судорога.

– Повелитель... не мучьте...

– Даже и не думаю, – покачал головой Познавший Тьму. – Я держу своё слово, Эйвилль. Ты нужна мне, гм, живой и здоровой.

Горькая усмешка на истончившихся и почерневших губах, из-под них тускло поблёскивают игольчато-острые клыки.

– Ты не ослышалась. Кровь богов. Вернее, *одного бога*. Но, надеюсь, ты простишь мне это, – и Хедин спокойно протянул Эйвилль свою собственную руку, тыльной стороной запястья вверх, где под загрубевшей кожей просматривались синие жилы.

Эйвилль вскрикнула, забилась, в ужасе зажимая ладонями рот и чуть не впиваясь клыками в собственную плоть.

– Повелитель!.. Как можно!.. Я... вы... меня спасли... я...

– Молчи, так ты теряешь силы ещё быстрее, – жёстко бросил Новый Бог. – Ну, давай, пока я не передумал и не послал тебе какого-нибудь быкоголового из пленных!

Из глаз вампириши покатались самые настоящие слёзы. Даже Хедин невольно поднял бровь – считалось, что это племя по природе своей неспособно плакать.

– П-повелитель... приказывайте, повелитель... я... слаба... не могу... отказаться...

Трясущийся подбородок коснулся твёрдо лежащей левой руки Познавшего.

Хедин не пошевелился.

Сахарные клыки появились из-под раздвинувшихся губ, острия осторожно коснулись загорелой кожи, прокололи её, вонзились глубже...

Названный брат Ракота замер, неподвижностью могущий поспорить со статуей.

Щекоча, скатились первые капли крови, и Эйвилль жадно слизнула их тонким язычком. А в следующий миг с утробным стоном бросилась на так и не отдёргнувшуюся руку, вцепилась в неё крепче, чем утопающий в брошенный с корабля канат.

Хедин закрыл глаза, привычно коснулся вольнотекущей Силы. Океаны, необозримые пространства и великая мощь, какую не опишешь никакими словами, – а ему подвластна лишь ничтожная толика. Правда, сейчас и этого хватит.

Он знал – Эйвилль не сдержит себя. Она сейчас в экстазе, мало чем отличимом от смерти; и потому Познавший Тьму не удивился, ощутив болезненный укол – уже не в онемевшую руку, а прямо там, где сердце. Укол незримой иглой, означавший, что вампириша попыталась сделать из него себе подобного.

Хедин не стал отбивать настойчиво тычущееся остриё, ни тем более его ломать, хотя мог проделать это с лёгкостью, лишь глубоко вздохнул, останавливая готовый влиться в него яд.

Не так-то просто обратить в тупого кровопийцу Нового Бога, но... без нужды и рисковать тоже не стоит.

Эйвилль жадно пила, так, словно истомлённая веками неутолимой жажды. Неподвижная, она страшилась проронить хотя бы каплю; и с каждым мгновением в вампирессу стремительно возвращалось то, что её соплеменники между собой называют «жизнью».

«Будет ли она благодарна, – подумал Хедин, внутренне кривясь от боли. Вовсе не просто было сохранять отстранённый и непроницаемый вид, словно подобное занятие для него совершенно привычно. – Будет ли благодарна или решит, что „так и надо“?»

Или всё выйдет, как он и предполагал, и вампиресса *поплывёт*?

Эйвилль пила. По левой руке медленно поднимался холод, отвоевал локоть, половину предплечья. Хедин не отводил запястья и не открывал глаз.

Огневеющее нечто клубилось вокруг рта вампириши, втекало в неё, пронизывало всё тело, мало-помалу растворяясь в удерживаемом лишь могущественной магией прахе. Тело вампира мертво, это именно прах, зола и ничего больше.

Вампиресса не отрывалась от запястья Познавшего Тьму, со стороны могло показаться, что она страстно целует руку своему повелителю; наконец, видя, что она не собирается останавливаться, Хедин осторожно, но решительно потянул кисть к себе – для этого пришлось взять её, ничего не чувствующую, валяющуюся мёртвой чушкой, – свободной правой рукой.

– Достаточно. Я сказал, достаточно, Эйвилль!

Вампириша с хриплым рыком рванулась следом за ускользающим источником вожаделенной влаги.

– Опомнись! – загремел Хедин, вскакивая. Левая рука плетью упала вдоль туловища.

Эйвилль застыла, обезумевшие глаза вращались в орбитах, рот раскрыт, мелко подрагивают челюсти.

– Опомнись, – уже мягче проговорил Познавший Тьму. По левой руке разливалась жгучая боль, плоть оживала.

Прошло ещё несколько томительных мгновений, прежде чем взор вампириши прояснился, колени у неё задрожали, и она, где стояла, там и рухнула ниц перед гневным взором Хедина.

– Повелитель... – Теперь голос полнили сила и жизнь. – Казни меня, повелитель. Я... я... едва не...

– Я считал тебя крепче, – резко бросил Хедин.

– Повелитель... – она заплакала.

– Кровь богов, Эйвилль. Кровь богов.

– И это... нет, не описать... не передать... ни любовь, ни смерть, ничто... вечность... нет, перед *этим* всё пустое, всё! И я... я...

– Потеряла голову.

– Да! – с отчаянием выкрикнула вампириша. – Повелитель, если б знала, если б я только знала...

– Ещё немного, и мне пришлось бы ударить тебя, Эйвилль.

– Ударьте, повелитель! Я готова на мучку, на пытку...

– Глупая, – вздохнул Хедин. – Не зря про вас, эльфов, говорят, что втайне вы предаётесь, гм, очень экзотическим и непонятным для простых смертных видам любви. Мне пришлось бы ударить тебя не с целью покарать или причинить боль. Просто, чтобы остановить.

Тело Эйвилль сотрясалося от рыданий.

– Повелитель...

– Вставай, – жёстко приказал Хедин. – У тебя сейчас сил хватит справиться с целой армией.

Эльфка-вампир неловко поднялась, замерла, низко опустив голову.

– Мне нет прощения...

– Прощение заслужишь в бою.

– Я готова! – вскричала Эйвилль.

– Без патетики, моя дорогая. Ты оказала мне огромную услугу, не буду скрывать. Я попытался отплатить. Но ты...

– Что надо сделать, повелитель?! – простонала несчастная.

Познавший Тьму помедлил, словно колеблясь.

– Мы все погибнем по первому вашему знаку, повелитель...

– Может, и придётся. Если выгоды от этого перевесят потери, – ядовито ответил Хедин. – Так вот. По найденному тобой следу я отправил Гелерру. Она потерпит неудачу. Но там, где она окажется вынужденной отступить, ты – напившись моей собственной кровью, – пойдёшь дальше, я не сомневаюсь. Пока я занимаюсь быкоголовыми, ты двинешься вслед за гарпией. Ты не упустишь ни одного её шага, ни одного действия. Но, как бы ни сложились обстоятельства у Гелерры, ни за что не выдавай своего присутствия. Ты станешь действовать одна, твои подопечные, – он сделал паузу, – останутся тут. Пугать быкоглавцев.

Эйвилль закивала.

– Там, где окончится дорога Гелерры, ты останешься в стороне от схватки. Следи за миром, не за сражением, понятно?

– Повелитель подозревает западню? – радуясь своей догадливости, вставила вампирша.

– Примерно. Меня особенно интересует, нет ли из того мирка какой-нибудь тайной тропки. Если кто-то и может это обнаружить, так это лишь ты, Эйвилль. С моей кровью в тебе.

«И кое для кого ты покажешься лёгкой добычей, моя дорогая».

Коротко кивнув воспрявшей вампирессе, Хедин резко повернулся и вышел из шатра. Сейчас ему казалось, что всё внутри пропахло той самой гнилью, источаемой ночными кровососами.

К нему тотчас бросились оба эльфа, обращённых Эйвилль.

– Повелитель... – жадно облизнулся один, не в силах отвести взгляд от запястья Познавшего Тьму, где красовалась пара аккуратных дырочек. – Повелитель... не снизойдёт ли в великой своей милости...

Коротко, не замахиываясь, Хедин пнул вампира в лицо. Жадный, сосущий шепоток прервался, вампир сдавленно взвыл, опрокинулся и замер, боясь шелохнуться.

Второй предусмотрительно пал ниц, не произнося ни слова.

Хедин презрительно хмыкнул и прошёл мимо.

Вампиры, одно слово. Что с них взять.

* * *

Ракот и рыцари Ордена Прекрасной Дамы никуда не торопились. Но и не мешкали без нужды – очутившись в чужом мире, рыцари тотчас построились походным порядком, телеги встали четырёхугольником, кони встали в построение – и небольшой отряд двинулся прямо за высокой фигурой в алом плаще, развевающимся, несмотря на полное безветрие. Бывший Владыка Тьмы шагнул, в задумчивости положив руку на загривок летучего зверя и невидяще глядя в небо. Чёрная бестия вела своего господина, словно собака-поводырь – незрячего хозяина.

Среди исполинских деревьев малому войску оказалось сподручно – лесные гиганты так далеко раскинули толстые ветви, что на земле меж неохватными стволами ничего не росло, густая тень не давала подняться даже сорной траве.

Конь неспешно ступал по толстому ковру из опавших сухих листьев. Тишина, ни звука, безветрие, безмолвие, беспитие. Нет и мелких лесных тварюшек, шуршащих у корней, пря-

чушихся в дуплах и среди ветвей. Только деревья-гиганты: они словно не терпели никакой ещё жизни рядом с собой.

Рыцари слегка покачивались в сёдлах; оруженосцы и сквайры, как и велит устав, присели за высокими бортами телег, держа наготове снаряжённые двухдуговые арбалеты.

На языке у Ракота вертелась обычная в таких случаях фраза: «Не нравится мне эта тишина». Он не мог вспомнить, сколько раз произносил её – на сотнях различных языков, под самыми причудливыми небесами и в самом удивительном обществе.

И почти всегда оказывался прав.

Тем не менее первый день похода прошёл мирно и благополучно. Через лес, тотчас прозванный Тихим, струились столь же тихие ручейки, вода в них оказалась доброй, без каких-либо неприятных сюрпризов. Люди в отряде Ракота, конечно, привыкли к совсем другой тяге мира; Владыке Тьмы пришлось взять часть этой ноши на себя. И оттого Ракот не мог в полной мере очутиться в своём излюбленном облике – свирепого воина-мечника, лишь с самой малостью магии.

Четыре солнца Зидды почти не оставляли места ночи; но Орден Прекрасной Дамы подобным не смущается. Его рыцари вообще отличались невозмутимостью – мир чудесен и невероятен, но стоит ли дивиться чему-то после того, как в это бытие явилась Она, Истинно Прекрасная Дама?..

Не удивились рыцари и когда в небе распростёрлись исполинские облачные крыла – словно громадная птица заботливо прикрыла землю от докучливых лучей сменявших друг друга светил, позволяя всему живому отдохнуть в блаженной темноте – или, вернее, сумерках.

Конечно же, Ракот вступил в Зидду не где попало. Совсем недалеко, в трёх переходах, начиналось нечто, что ему очень сильно не нравилось. Настолько, что он изменил своей обычной практике – сваливаться прямо на головы ничего не подозревающим врагам. Три дня марша – большой риск, что их обнаружат, но при этом и возможность хотя бы приблизительно понять, с чем же предстоит тут столкнуться.

Осторожный Хедин наверняка послал бы вперёд себя подмастерьев; Ракот всегда предпочитал идти сам и идти первым. Названный брат слишком много рассуждал о Долге и Равновесии; бывший Владыка Тьмы справедливо почитал наилучшими весами те, где рычагом служит его собственный меч.

Всё просто, говорил себе в таких случаях Ракот. Упорядоченное выбрало нас, и потому мы побеждаем. И будем побеждать до тех пор, пока не исчезнет уверенность в собственной правоте. Ведь как ещё Сущее может дать нам понять, что мы не сбились с дороги?

...На третий день – если считать появление Тёмной Птицы за ночь – отряд Ракота выбрался из-под сени исполинских деревьев. Открылась широкая речная долина, или, вернее сказать, бывшая речная долина. Бывшая – потому что от струившегося тут некогда могучего потока остался только жалкий ручеёк. На противоположном берегу леса оказались методично сведены. Холмы исчерчивали дороги, аккуратные, в полном порядке; а вдоль речного тупа до самого горизонта тянулись пирамиды. Самые разные – высокие и низкие, ступенчатые и гладкие, усечённые и нацелившиеся в сияющее небо острыми вершинами. Были тут самые простые трёхгранники, были – с четырьмя сторонами, конусы, попадались и купола... Больше всего это напоминало забытые кубики какого-то великанского ребёнка.

Ракот и не отстававший от него Читающий застыли. Много видел Владыка Тьмы, но подобного паноптикума не попадалось даже ему.

– Ка-ак интересно... – процедил он сквозь зубы.

Цепь каменных гигантов оказалась не сплошной, тут и там зияли прорехи, причём невооружённым глазом видны были следы фундаментов – словно постройка поднялась в воздух, движимая неким чародейством, после чего...

После чего исчезла бесследно.

– И мы всё это проморгали. – Ракот сжал кулачищи, метнул гневный взгляд на Читающего.

«Я вижу лишь то, что хочет поручающий», – предусмотрительно поспешил оправдаться тот.

– Ну да, ну да – не приказали следить за Зиддой, и вот вам, пожалуйста, – буркнул Ракот. – Скажи мне лучше, что в этих пирамидах? Магия? Чья? Ямерт и присные?

«Там не творится в данный момент никакой волибы. Я бессилен. Ты чувствуешь природу чародейства гораздо сильнее меня. Я могу лишь прочесть уже сотворённое заклятье», – напомнил Читающий. И Ракоту почудилось ехидство в его словах.

Владыка Тьмы не ответил, лишь молча махнул рукой, давая рыцарям знак переправляться через реку.

Их никто не атаковал, никто не препятствовал. Орден Прекрасной Дамы перебрался на противоположный берег в идеальном порядке, просто загатив дурно пахнущую топь.

Бывший Владыка Тьмы стоял возле крайней пирамиды – довольно высокой, около десятка ростов среднего человека – и недовольно хмурился. Умирающая, больная река взывала к отмщению. Как хотелось дотянуться до горных истоков, растопить даром пропадающие там снега, заставить очистительный паводок устремиться вниз по течению, сметая накопившуюся грязь и гниль! Чтобы среди зелёных берегов вновь заструились спокойные воды, кишасие жизнью, со звоном мириад насекомых, с плеском рыбы, со взмахами птичьих крыл...

– Работа для Ялини, – проворчал Ракот. – И чего, спрашивается, фордыбачила?..

«Река своей мукой питает пирамиды, – бесцеремонно вмешался в его размышления Читающий. – Но не только она. Страдания всего мира вливаются в них. Эти управляющие заклинания я могу прочесть».

– Кем они поставлены? Кем запечатлены? – терял терпение Ракот.

Читающий ответил после небольшой заминки:

«Я вижу только заклинания. Я не вижу лица наложивших».

– Почему я ничуть не удивлён? – буркнул бывший Властелин Тьмы, отворачиваясь.

Цепочка пирамид тянулась к самому горизонту, никем не охраняемая, по крайней мере на первый взгляд. Конечно, смести её Новому Богу вполне по силам, направить сюда поток – нет, не воды с горных ледников, но свободнотекущей Силы, пронзающей всё Упорядоченное, и тогда здесь не останется ни одного из этих проклятых строений.

Легко сказать, нетрудно сделать, «а что мы имеем в результате?», как угрюмо вопрошал Хедин после очередной вылазки названных братьев, приведшей на первый взгляд к полному успеху, а закончившейся мировой катастрофой, когда пришлось срочно открывать порталы, спасая ни в чём не повинных смертных (и даже «перворождённых» эльфов).

А чтобы сковыривать эти пирамиды по одной, понадобятся сотни тысяч работников. Поднимать свой стяг, «брать Зидду под руку Новых Богов», сиять на небесах, простирая руку над миллионными толпами падающих на колени?.. Да, после этого они с радостью исполнят каждое твоё слово, кинутся в огонь по первому твоему жесту, но, обретя силы, ты станешь и более уязвимым. Более зависимым от людской (или нелюдской) веры. Безнаказанно это сходит с рук только Спасителю, уж неведомо за какие заслуги.

Горстка рыцарей Сигрлинн тут, конечно, не спра...

Из леса вылетели первые стрелы, и меч сам прыгнул в Ракотову длань – бой, наконец-то! Прямой и честный, где всё ясно и понятно и где важно лишь одно – одолеть неприятеля.

Орден Прекрасной Дамы словно только и делал, что ждал нападения. Высокие борта телег оставались подняты, за ними – в безопасности – слуги, выпряженные кони, припасы и тому подобное. Рыцари – все в броне – едва заслышав привычный свист, резко повернулись, припадая на колени и прикрываясь треугольными, зауженными книзу щитами.

Невидимые лучники били на внушительное расстояние, куда не вдруг забросит железный свой болт старый добрый арбалет. Борта возов и песок под ногами мигом покрылись чёрной щетиной от воткнувшихся древков; иные бессильно отскочили от шлемов или наплечников, иные звонко клюнули в белоснежные щиты.

– Ну, давно бы так, – проревел Ракот, забрасывая плащ за спину и высоко вскидывая меч.

Орден Прекрасной Дамы – три дюжины братьев-рыцарей – спокойно развернулся в боевой порядок; острый клин спешенных воинов нацелился прямо на то место, откуда летели стрелы. Они отвлекут лучников неведомого врага, в то время как грумы выведут боевых коней.

– Сегодня будет чуток попроще, – ухмыльнулся Ракот, нацеливаясь остриём меча туда, откуда летели стрелы.

С клинка сорвалось нечто вроде стремительно разматывающейся тёмной ленты; миг – и там, где тянули тетивы неведомые стрелки, возникла чёрная сфера, заключившая в себя лучников.

Рыцари Сигрлинн, как по команде, взглянули на Ракота – как показалось брату Хедина, с немым укором, мол, зачем же ты так, это ж нечестно, это не равный бой...

– Ничего, – хмыкнул Владыка Мрака. – Вы мне нужны живыми.

Тёмная сфера, отражающая стрелы, – простенькое чародейство, доступное множеству обычных смертных волшебников, но и его Ракот остерегался держать слишком уж долго. Впрочем, рыцари в белой броне не мешкали – пользуясь моментом, уже бежали грумы и оруженосцы, слуги торопились впрячь в телеги коней.

Ракот усмехнулся и широким шагом, так, что лошадям приходилось переходить на рысь, двинулся вверх по пологому склону, туда, где чернели стены только что возведённой им темницы.

* * *

Хедин, Познавший Тьму, занимался любимым делом.

Новый Бог играл сам с собою в живые тавлеи.

Прямо за его спиной пламенела арка портала, поднимавшаяся, словно крепостная башня; перед тавлейным столом раскинулся оживающий лес Кирддина, и мягкий дождь шумел по зеленеющей листве, барабанил по туго натянутому полотну широкого зонтика, под которым уютно устроился Новый Бог.

Портал вёл в тот самый мир, откуда пришлось убратся Гелерре. В мир, где ожидала армия несчастных быкоглавцев, приведённая кем-то и поставленная на убой, потому что не было в Упорядоченном такого войска, что смогло бы в обычном бою устоять против подмастерьев Хедина.

Собственно говоря, во всей этой истории Познавшего Тьму занимало только одно – *кто* привёл это войско и как, во имя Орлангура и Демогоргона, вместе взятых, он пронюхал, *где* стоит разместить эту армию?

Выводы из этих размышлений получались невесёлыми. Собрать воинственных быкоглавцев не составляло труда; взятые Гелеррой пленники, как показал допрос, принадлежали к простому и решительному народу, превыше всего ставящему воинскую доблесть. Подбить таких на далёкий поход – всё равно, что подарить ребёнку новую игрушку. И получалось, что кто-то заранее не только расставил западню на Кирддине, но позаботился и о войске, чтобы висело на плечах Новых Богов, – буде ловушка не сработает.

Нет, молча покачал головой Хедин, делая очередной ход фигуркой морского змея. «На всякий случай» такую армию не собирают. Тут что-то иное...

И это «иное» с каждой минутой тревожило его всё больше и больше.

Что, если Дальние или Ямерт и его присные – что, если они получают сведения прямо отсюда, из лагеря Познавшего Тьму? Что, если кто-то из подмастерьев всё-таки соблазнился... не знаю уж, чем их можно соблазнить, но вдруг? Требовалось ведь точно рассчитать, *куда* именно будет открыт нами портал, ведущий сюда, на Кирддин. Точно рассчитать и заблаговременно отправить туда армию...

«Кто ещё кроме подмастерьев мог знать планы Нового Бога? Неужели Читающие? Чем могли соблазниться эти существа? Ну, например, новыми знаниями. Такие знания есть и у Молодых Богов, и у Дальних. Чтобы выявить изменника, нужны сведения», – подумал Хедин.

Командиры – вот кто осведомлён, кто говорил с «жрецами, указавшими истинный путь». Эти «жрецы» – именно они-то и интересны. Человекоорудия Дальних (а кто ещё может с такой изобретательностью воздвигать перед ним одну стену за другой и при этом ещё и путать следы, закладывая бесконечные двойные петли и делая скидки?) – или всё-таки Молодые Боги?

Портал открыт. Приманка заброшена. Пусть идут, если не боятся.

Осторожно ступая, приблизился Ульвейн.

– Аррис прислал вестника, повелитель.

Хедин поднял голову, оторвавшись от игры.

– Аррису определён был Мельин.

– Совершенно точно, – поклонился Тёмный эльф. – Но... там всё окончательно пошло прахом. Судя по виду гонца.

– Зови. – Лицо Хедина осталось бесстрастным, только глаза чуть сощурились.

Гонец приблизился, такой же, как и сам Ульвейн, Тёмный эльф с вытянутым узким лицом и длинными шелковистыми волосами. Он только что вышел из боя – воронёная кольчуга рассечена в трёх местах, щёки и подбородок покрыты гарью, а эфес тонкого клинка и боевые перчатки – чужой кровью.

– Говори! – Познавший Тьму прервал попытку гонца опуститься на одно колено.

– Аррис влагает свою участь в длань великого Хедина, – задыхаясь, словно от долгого бега, едва вымолвил вестник. – Он нарушил приказ. Он вмешался.

Названный брат Ракота коротко кивнул. Его взгляд оставался непроницаемым, но, оказавшись тут сам Аррис, знавший Хедина куда лучше, он бы понял, что Познавший Тьму сейчас просто в ярости.

– Излагай, – бесстрастно произнёс Хедин.

Гонец заговорил, торопливо, но не сбивчиво, по-эльфийски чётко выговаривая слова.

– Разлом в мире Мельина извергает из себя полчища козлоногих тварей. Они сильны и смертельно опасны; тамошний правитель, человек, смертный, выступил против них, собрав большое войско. Но...

Соратник Арриса очень спешил. Он принёс вести о гибельном разладе среди тех, кто может противостоять вторжению, и о том, что местные маги прибегли к магии крови как к последнему средству.

Аррис, конечно, нарушил приказ и покачнул весы, угрюмо думал Хедин, движением руки отпуская вестника. Ульвейн повёл его к лагерю – сдать на попечение лекарям.

Магия крови им не поможет, размышлял Познавший Тьму. Она сработает лишь на краткое время. Когда-то, в незапамятные времена, созданные на её основе заклятья и обереги в самом деле могли держаться столетиями. Но всё изменяется – даже здесь. Мы слабеем, козлоногие усиливаются. Не потому ли, что мы постоянно скармливаем Неназываемому хоть и пустую, но всё-таки плоть Упорядоченного? Когда-то этот способ казался мне, и не только мне, неплохой находкой, а теперь?.. Ведь сила его растёт, и дальше закрывать глаза на это – верная смерть. Не только моя, всего Упорядоченного. Я слишком хорошо помню чёрные щупальца, гонявшиеся за живыми в мире, пожираемом нашим заклятым врагом.

Конечно, Аррису не справиться в одиночку. А мне опять придётся взвешивать и вымерять, определяя меру отпущенного, чтобы злосчастный Мельин не угодил бы в пучину ещё больших бедствий.

Кирддин придётся оставить. Ещё немного – и один из ключевых миров окажется в руках или, вернее, лапах Созидателей Пути, а допустить этого Хедин никак не мог. И, как бы ни были интересны и важны для него военачальники быкоглавцев, равно как и стоящие за ними – приходилось засучивать рукава и браться за давным-давно привычное, успевшее едва ли не надоесть дело.

Спасать мир. Очередной, один из множества. Лечить симптомы, а не болезнь.

Он бывал в Мельине, носился по его небесам коричневокрылым соколом. Вместе с Ракотом они похоронили Мерлина в мельинской земле, вместе, остолбенев, смотрели, как Спаситель благословил могилу великого мага и как Он ушёл – неторопливо, спокойно и скорбно, опираясь на посох, словно и впрямь чувствуя усталость от великих трудов.

Может, перенацелить главный удар туда?

Хедин поднялся, расправил плечи, хрустнул суставами. Читающий со своими шарами – невидалеке, вперившись в мягкое сияние, заключённое внутри сфер. Что видится ему там, какая волшба?..

Многие века Читающие охотятся за каждым заклатьем, которое можно приписать падшим Молодым Богам, – безо всякого успеха. Ямерт, владыка света, Ямбрэн, хозяин ветров, Яэт, повелитель мёртвых, Ялмог, хозяин вод, Ятана, мать зверей, Явлата, хранительница звёзд...

Шестеро. Только шестеро, потому что седьмая, Ялини, хозяйка зелёного мира, отреклась от них, прошла искупление и тоже исчезла, не пожелав присоединиться ни к нам, ни к своей падшей родне.

Были, конечно, и другие – Ярдоз, хозяин пылающих земных недр; Яргохор, водитель мёртвых Хьёрварда; Ялвэн, распорядитель холодов и ключарь снежных кладовых; Ярмина, дочь самого Ямерта, смотрительница утренних и вечерних зорь – меньшие, младшие из числа Молодых Богов.

Почти забытые имена. Сейчас Хедин опять и опять повторял их, точно заново пробуя на вкус. Сколько сил отдано было борьбе... как сладок был миг триумфа, миг, когда они с Ракотом поняли, что победили – не просто одолев силой оружия, но превзойдя твёрдостью духа. Молодые Боги не выдержали угрозы Неназываемого, и Упорядоченное предпочло новых хозяев. Впрочем, скорее «распорядителей», нежели «властелинов»...

След Молодых Богов так и не отыскался. Падшие боги исчезли, словно растворившись в безбрежных океанах Упорядоченного. Уж не помог ли кто поверженным, лишённым бывших сил богам? Кто? Да хоть те же Дальние. Значит, не исключён союз обоих вероятных противников.

Познавший Тьму отдавал быстрые приказы. Читающий уже нырял в незримых потоках Силы, омывавших Кирддин, искал нацеленные вражьи заклатья; поспешно свертывая лагерь, поднимались полки, готовясь к новому маршу; сам Хедин решительно смёл тавлейные фигурки в мешочек, поднялся...

Сквозь пламенеющий портал прыгнул первый быкоглавец, ошарашенно повертел рогатой башкой. Четырёхрукий, как и предупреждала Гелерра, он разом мог орудовать и здоровенной секирой, держа её верхней парой ручищ, и щитом вкупе с малым топориком – эти были снизу.

Да, из быкоглавых вышли отличные воины. На локоть выше обычного человека, в два раза шире плечами. Страшная секира сметёт любую защиту, проломит любую броню, кроме разве что выкованной гномами.

Увидав Хедина, быкоглавец злобно взревел, размахнулся секирой; левая нижняя рука подняла щит.

За первым быкоголовым великаном последовали сразу трое его собратьев, следом – ещё и ещё. Только-только начавшая оживать трава Кирддина втапывалась в землю тяжеленными, подбитыми железом сапожищами – в каждый из них обычный человек с лёгкостью засунул бы обе ноги.

Четыре, девять, шестнадцать – число быкоглавых росло.

Хедин не обнажил никакого оружия. Просто стоял, скрестив руки на груди, и пристально глядел на нового врага.

Да, конечно, Гелерра права. Познавший Тьму тоже слышал об этих созданиях, как, впрочем, и о сотнях, тысячах других рас и племён в пределах Упорядоченного. Но для его целей быкоголовые обитатели степей и гор отдалённого мирка не годились – особым умом они не отличались, лишь жуткой силой. Встречались, конечно, исключения.

Потребовалось совсем немного времени, чтобы вспомнить их язык – или, вернее, просто заговорить так, чтобы тебя поняли. Ещё одна небольшая преференция Нового Бога, пользующегося (во всяком случае, до недавнего времени) благорасположением самого Великого Орлангура.

– Вы напрасно явились сюда, – медленно произнёс Познавший Тьму. – Мне не нужны напрасные убийства безо всякой цели. Впрочем, если вы так уж горите желанием расстаться с жизнями и до срока отправиться в смертные пределы, милости прошу. Мне как раз необходимы добровольцы для жертвоприношений. Магия крови, изволите ли видеть...

Он очень надеялся, что в стремительно растущем клине увенчанных рогами голов найдётся хоть одна, которая поймёт, *кто* сейчас оказался перед ними.

– Пусть выйдет решивший, что я – это враг, – продолжал Хедин, видя, что быкоглавцы принялись недоумённо переглядываться.

Ответом стала ударившая прямо в лицо арбалетная стрела.

Закалённый стальной оголовок с хрустальным звоном разлетелся пылью невидимых глазом осколков. Древко мягко скользнуло в ладонь Познавшего Тьму.

– Кто сказал, что меня надо убить? – невозмутимо повторил он.

От лагеря уже спешили его подмастерья, и Хедин тотчас вскинул левую руку раскрытой ладонью вверх – приказ немедленно остановиться. Быкоглавцы пусть себе стреляют. Если он узнает то, что собирается узнать...

Из портала выплеснулось уже несколько сотен рогатых созданий. Обтекая недвижимого Хедина, крылья этого войска вдруг кинулись вперёд, устремившись прямо на замершие шеренги подмастерьев Нового Бога.

«Кто управляет ими? Какие заклятья?» – резко бросил Хедин, обращаясь к Читающему.

Тот невозмутимо продолжал нависать над своими шарами – точно и не неслась с рёвом прямо на него лавина рогатых громадин.

«*Нет никаких заклятий, Познавший Тьму*».

Хедин смотрел в глаза замершего прямо напротив него секироносца. Ничего в них особенного не крылось, ни сверхъестественной злобы, ни особой кровожадности. Обычные глаза не шибко озабоченного мыслительной деятельностью существа, каких несчётно в Упорядоченном.

– Что тебе пообещали здесь? – На сей раз Познавший Тьму вложил в голос самую малость власти.

Быкоглавец издал неразборчивое бульканье, судорожно передёрнулся и ринулся на Хедина, замахаясь чудовищным топором.

Древко оружия рассыпалось мелкими щепками, тяжеленное лезвие просвистело мимо Нового Бога, шлёпнувшись наземь где-то далеко за его спиной.

– Кто привёл тебя сюда?

Ульвейн с Гелеррой так и не получили внятных ответов на эти вопросы.

Как всегда, всё приходилось делать самому.

Арбалетчики быкоглавцев дали первый залп, целясь в неподвижных подмастерьев Хедина – напрасная попытка. Наконечники дробились, древки ломались, ни один болт даже не долетел до цели.

– Кто послал тебя?! – Взгляд Познавшего Тьму вбуравливался под толстый череп быкоголового.

Противник Хедина зашатался, схватился за горло и опрокинулся. Мёртвый, как камень.

В этот момент рогатые собраты погибшего сцепились наконец с подмастерьями Хедина, и Новому Богу поневоле пришлось отложить дальнейшие расспросы.

Быкоглавые, казалось, не имели никаких шансов с самого начала. Идти против Хедина, Познавшего Тьму, – всё равно, что самому прыгать с утёса, навязав на шею камень потяжелее.

Новому Богу ничего не стоило заставить всех своих врагов просто умереть. Без глупостей вроде огня, молний или тому подобного. Просто взять – и исторгнуть жизнь, прекратить её течение в один неразличимый миг. В незапамятные времена Истинным магам подобное запрещал закон Древних; нынешнему Хедину это тоже запрещалось, но уже другим законом – его Познавший Тьму поминал, наверное, чаще всего остального.

Распорядитель Упорядоченного не мог даровать своим подмастерьям бессмертия или неуязвимости. Не мог наделить их силой тысячи горных великанов или одарить их мечи способностью рубить сталь с той же лёгкостью, что и ничем не защищённую плоть. Не мог превратить их в полубогов, одним мановением руки сметающих со своего пути многотысячные армии...

Вернее – мог. Закон Равновесия ничего не запрещал напрямую. Он лишь управлял последствиями.

Битва мгновенно вскипела, словно в старые добрые времена – только сейчас вокруг раскинулась оживающая земля Кирддина, а не серые скалы Хединсея. Мятежный маг некогда обрушивал на врагов волны пламени; Новый Бог мог лишь оборонить себя.

Вокруг Хедина сгустился чёрный кокон. Непроницаемый снаружи, изнутри он представлялся совершенно прозрачным, названный брат Ракота видел и слышал всё, что творилось на поле боя. Шестеро или семеро быкоголовых ринулись на него, изо всех сил обрушивая огромные секиры на магическую защиту. Нанести ей ущерба они могли не больше, чем комары поверхности скалы, взбреди им в их крошечные головы безумная идея вонзить хоботки в камень.

Подмастерья Хедина привыкли иметь дело с самым невероятным противником. Их не смущали ни рост, ни сила, ни блеск оружия. Накатившую волну быкоглавцев они встретили спокойно, хотя какое уж там «спокойствие» ввиду смертельной опасности? Просто в подручные к Новому Богу попадали лишь такие, кто умел заставить собственный страх придавать новые силы, а не отнимать те, что были.

Быкоглавцев встретил настоящий вихрь – и обычных стрел, и тех, что несли магическую начинку. Чарами среди подручных Хедина владел каждый, и соратников Нового Бога не сдерживало никакое Равновесие.

Четырёхрукие храбрецы проваливались в источающие огонь ямы, их обращало в ледяные глыбы, пластинчатые доспехи лопались, и на открытые раны набрасывались полчища пожирающих кровоточащее мясо насекомых. Хедин видел, как Ульвейн, крутясь, словно волчок, с двумя тонкими, слегка изогнутыми эльфьими саблями в руках, ловко уклонился от взмаха чудовищной секиры, поднырнул под щит и ударил – снизу вверх, остриём в нижнюю подмышечную впадину. Видно, там проходили артерии – из-под руки быкоглавца хлынул настоящий поток крови, рогатая голова запрокинулась, и он рухнул.

Хедин, конечно, мог закрыть портал, разорвав связь миров, и, конечно, этого не сделал. Пусть идут, пусть все ворвутся сюда, в Кирддин. Его подмастерья уже освоили магию этого

мира, они легко чувствуют течение Силы, это куда лучше, чем очертя голову бросаться в портал – по другую его сторону всё может оказаться совсем по-иному.

Повинуясь неслышимой команде Нового Бога, подмастерья медленно пятились, уступая быкоглавцам поле боя. Из портала вырывались новые и новые сотни рогатых воителей, но к этому Познавший Тьму был готов. Ему требовались командиры, и он их получит.

Неподвижный чёрный кокон застыл прямо напротив раскрытой пасти пылающего портала; серые волны лишь бессильно бились о его поверхность.

Познавший Тьму повернулся спиной к portalу и неспешно зашагал вслед за валом четырёхруких воителей, аккуратно огибая мёртвые тела. Его подмастерья знали своё дело: сколько раз им приходилось биться с такими вот силачами, чьи хозяева самонадеянно решали, что могут бросить вызов Новым Богам; они привыкли. «Сделай и не умри», часто повторял им Познавший Тьму, отнюдь не требовавший от своих неперменного самопожертвования и «стояния в крови по колено». Завтра будет новый день, втолковывал подмастерьям Хедин. Новый день и новый бой. Заменить погибшего в полках Познавшего Тьму – не такое простое дело.

– Я отбирал вас по одному из бесчисленного множества; вы – последняя стража Упорядоченного. Погибать вы не имеете права, понятно? Нет такого понятия, как «последний рубеж». Всегда найдётся ещё одна река, ещё один холм, ещё один перевал. Что? «Мы защищали женщин, детей и ослабевших?» – ерунда. Помните, что, решив героически умереть, вы обречёте на гибель куда больше этих самых женщин, детей и ослабевших.

Его подмастерья твёрдо усвоили урок. В отличие от Ракота, как раз свято верившего в древние «ни шагу назад!» и «не дамся живым!».

Быкоглавцы давили. Им казалось, что они побеждают – а на устилающие поле трупы сородичей они просто не оглядывались. И наверняка верили, что доблестно сражавшиеся попадают прямиком в небесные чертоги их местного бога, где рубятся в нескончаемых битвах, охотятся на невиданных зверей и пируют, не зная похмелья.

Очень может быть, что они и правы. Древние Боги, истинные Древние Боги, первые, кого исторгло из своей утробы Упорядоченное, там, где искры дыхания Творца соприкоснулись с её косной плотью, пали ещё на Боргильдовом поле; но остались во многих мирах мелкие божки и полубожки, – их в своё время Молодые Боги либо просто не заметили, либо сочли недостойными внимания. Со временем эти создания осмелели; особенно после того, как в Обетованном воцарились новые хозяева, слишком занятые бесконечной войной с Неназываемым, чтобы особо обращать внимание на шалости мелких собратьев приснопамятного Бога Горы.

Сам Шарэршен тоже тут, где-то в гуще боя, наверное, один из самых преданных названным братьям подмастерьев. Старается, отрабатывает свободу.

Хедин ожидал, что быкоглавцы попытаются опрокинуть его полки; однако вместо этого рогатые воители вдруг вздумали резко выйти из боя – словно кто-то вовремя отдал им нужную команду. Стремительно разбившись на десятки и пятёрки, огрызаясь арбалетными выстрелами, они отходили к совсем недавно ожившим зарослям, забросив щиты за спину и не боясь предстать перед противником трусами.

Познавший Тьму замер, сердито сдвинув брови.

Этого манёвра он не понимал. Да, быкоголовые понесли потери, но дух их не был сломлен, они сражались яростно и – Хедин готов был поклясться! – за миг до этого не помышляли об отступлении. Но кто-то очень быстро разобрался в происходящем и отдал единственно разумный приказ.

Чтобы справиться с подмастерьями, требуется куда больше двух десятков тысяч четвероуких силачей, пусть даже решительных, неустрашимых и свирепых.

Хедин едва удержался, чтобы не заорать: «Стойте! Вы куда?!»

Подмастерья не разрушили строй, не соблазнились истреблением бегущих. Вслед быкоглавым ударила магия, по-прежнему вырывая десятки из откатывающихся серых шеренг, но истребить всех чародейство не могло. Большинство рогатых воинов невредимыми достигли спасительного леса и растворились в его глубине.

* * *

Рыцари Прекрасной Дамы не нуждались в зажигательных речах перед боем, а во время сражения – в чьих-то командах. Сейчас они застыли, окружив диковинный чёрный шатёр, по воле Ракота Заступника заключивший в себя неведомых стрелков.

Бывший Владыка Мрака неспешно приблизился.

– Славные какие, – только и хмыкнул он, заведя рогатые головы, по четыре могучие ручищи и серую чешую брони, облегающей вздутые мышцы.

Пленники держались с истинным стоицизмом, очень быстро усвоив, что бросаться на чёрные стены совершенно бессмысленно. Десятка четыре, они со спокойным равнодушием уселись прямо на землю. Неподъёмная для людей тяга Зидды их, похоже, совершенно не волновала. Никто не бросил оружия, напротив, все держали наготове самострелы.

Ракот усмехнулся. Он любил подобные схватки.

Красный плащ соскользнул с широких плеч, клинок поудобнее лёг в ладонь. Названный брат Хедина дал рыцарям знак оставаться на месте и спокойно шагнул сквозь чёрную преграду – она не могла задержать собственного создателя.

Быкоголовые воины, как один, вскочили на ноги. Самый быстрый успел разрядить арбалет прямо в живот вражьему чародею.

Ракот проделал старый, но по-прежнему зрелищный трюк – клинком небрежно отшиб железный дрот в сторону.

– Кто хочет сразиться со мной по-честному, один на один? Свобода для всех вас, если одолеете меня!

Повелителю Тьмы, привыкшему отдавать приказы самым удивительным созданиям, не потребовалось много времени, чтобы освоить простой и грубоватый язык четвероруких воинов.

– Как же, «по-честному»! – вдруг рыкнул один из быкоголовых. – Эвон, стрелу отбил! Ты любого располосуешь, плюнуть не успеет!

Ракот усмехнулся.

– Замечательно, что поняли – оружием с нами не справиться, даже окажись вас тут в сто раз больше, – невозмутимо ответил он. – Тогда ответьте, кому вы служите, что охраняете в этих местах? Ответите – отпущу всех. Нет – живём зарю под ближайшей пирамидой. И не думайте, – со зловещей ухмылкой добавил Ракот, – не думайте, что я дам вам умереть смертью истинных мужей. Нет. Забыю во-подземь, но сами живы останетесь. До того мига, пока не рассыплется чёрным прахом само солнце этого мира. Ну, что скажете?..

Быкоголовые угрюмо молчали. Никто не бросился на неодолимого противника, даже в приступе отчаяния, и это было хорошо.

Ракот не очень рисковал – подобные народы-воины почти всегда считают самым важным в своей жизни «правильную смерть», смерть в бою, «смерть воина». И куда страшнее пыток и боли для них угроза лишения посмертия, того, что они считают достойным себя.

– Змеи, – вдруг сказал быкоглавец, тот самый, что посмеялся над предложением «честного боя». – Змеи нам за то платят, чтобы мы всяких-разных к пирамидам не подпускали.

– Какие змеи? Опиши! – потребовал Ракот.

...Быкоголовый закончил, и стены призрачной темницы рассеялись. Рыцари вскинули было оружие, но рогатые воители держали слово – прошли мимо недлинной цепочкой и потрусили к далёкому лесу.

– За мной, – Ракот махнул рукой в сторону пирамид. – Взглянем поближе на эти кулички.

* * *

...Отправиться в Мельин Хедину никак не удавалось. Быкоголовые рассыпались по окрестным лесам, но волновало Познавшего Тьму отнюдь не это. То здесь, то там вокруг его лагеря один за другим открывались новые порталы, и тот, кто творил их, явно знал своё дело. Уже не один, добрую дюжину миров соединяли с Кирддином пылающие призрачным огнём арки; и сквозь все те порталы двигались целые сонмы самых разных существ, не только быкоглавцев.

Можно было оставить Кирддин, никакая «осада» не удержала бы Познавшего Тьму и его подмастерьев, но как уйти, если, как кажется, можно в следующий миг ухватить за шкуру тех, кто устроил всё это безобразие?..

Скоординированность атак изумляла. Если это Дальние, то решающие сражения придётся устраивать в таком месте, где никакие порталы открыть в принципе невозможно и куда можно добраться только старым добрым способом – пешим порядком через Межреальность, совсем не так, как шло на штурм Авалона войско хединсейского тана.

Он не мог оставить Кирддин. Не мог бросить своих подмастерьев – как оказалось, против *такого* вторжения им не устоять без его, Хедина, помощи. Он обязан был оставаться здесь и просто потому, что враги видели только его, и это давало гарпии с вампиршей лишние шансы.

А Мельин... в Мельин пришлось отправить подмогу во главе с Ульвейном.

Вестей ни от Гелерры, ни от Эйвилль по-прежнему не приходило.

Неужели он ошибся в вампирше?..

Нет, об этом и подумать невозможно.

Она *сделает* то, что от неё требуется. То, чего ждёт от неё он, Хедин.

Глава первая

Свет в глазах Фесса померк, но сознания некромант не потерял. Правую руку оцарапали шипы на броне драконицы, под левую его подхватил Этлау. Магия вновь свободно текла сквозь них, заставляя кровь бодрее струиться по жилам.

В абсолютной тьме царил абсолютная же тишина. Ни звука, ни стопа, словно последний удар Салладорца разом пресёк всю жизнь в подземной камере.

«*Papa?*» – мысленно окликнула его Рысь.

– Я в порядке, – отозвался некромант. – Ничего не вижу только.

Слева шевельнулся Этлау.

– Негаторы магии более не действуют, – кашлянув, проговорил инквизитор. – И, похоже, сударь мой Разрушитель, никого, кроме нас, в живых тоже не осталось.

– Эй, кто-нибудь! – вместо ответа гаркнул Фесс, вернее сказать, постарался гаркнуть.

Тишина.

Рысь осторожно выдула струйку драконьего пламени, смешно отставив нижнюю губу и враз сделавшись похожей на причудливый светильник где-нибудь во дворце Эргри или Арраса.

Подземелье оказалось пусто – ну, если не считать валявшиеся на полу груды одежды и доспехи, скрывавшие полуистлевшие костяки. Этлау нагнулся, откинул задравшуюся полу плаща – на него из-под шлемного наличья взглянул нагой череп, словно из раскопанной древней могилы.

– Ай да Эвенгар, – покачал головой инквизитор. – Ай да Салладорец. Как же это наши смогли завалить его в тот раз?..

– Они его и не завалили, – отозвался некромант, опускаясь прямо на пол – ноги отказывались держать. – Это он сам так решил, похоже. Представил дело, как свою гибель, а в саркофаге лёжа думал, размышлял и планировал. Наверняка ещё и беседовал с Сущностью. Почти уверен, что всё это – Её план.

Инквизитор, вполголоса бормоча по привычке молитвы, стал обходить камеру, склоняясь над костяками, подающими первые признаки «жизни». О собственном «отступничестве» он, похоже, напрочь забыл.

– А вот почему мы-то уцелели, а, некромант? – спросил он, не поворачиваясь. – Что нас спасло? Не хочется верить, что мы и впрямь только и можем, что играть на руку этому чудищу...

– Кто это говорит «мы»? – хмыкнул Фесс. – Салладорец, когда говорил, упоминал только меня. Это я, по его мнению, сугубо предсказуем и не способен ни на что, могущее «удивить Эвенгара».

– Ты забыл, некромант, что мы уже довольно давно стоим спина к спине?

Фесс усмехнулся.

– Ну да, ну да, преподобный. Если бы не та комедия, что ты стал разыгрывать в самом начале...

– Какая такая комедия? – быстро и растерянно пробормотал инквизитор.

– Да вот такая. Заставить меня поверить, что ты действительно преследуем Святым Престолом.

– А, вот ты о чём... – вздохнул Этлау, завершая свой печальный обход. – Ну да, верно – мало у нас с тобой, Неясить, теперь секретов друг от друга. Успел ухватить воспоминание-то. Догадался, молодец. Хотя я, собственно, и не сомневался.

– И я не сомневаюсь, что ты не сомневался...

Рысь фыркнула, выпустив целую струю пламени, окатившую потолок, и весьма выразительно уставилась на ссутулившегося инквизитора.

– Это была их идея, – виновато развёл руками Этлау. – Я, конечно, с себя вины не снимаю. Понтифику нужен был выход из Эвиала, ну, а мне... Вопросы мои шли от меня, а не от Курии, некромант. Надеюсь, хоть это-то ты понимаешь.

– Это-то я понимаю. А другого в толк не возьму – с кем ты, инквизитор? Мой путь ясен – я должен избыть Западную Тьму. А ты, чего ты хочешь, Этлау? На твой первый вопрос я ответил, если ты помнишь. Я нашёл Сущность в тебе, преподобный.

– Да, Сущность и Спасителя и ещё что-то третье, чему у нас пока нет ни слов, ни понятий, – кивнул Этлау. – Я помню, мэтр Лаэда.

– И что теперь, преподобный?

– Полагаю, – медленно проговорил Этлау, – я уже отвечал тебе.

– «Остановить Её», ты об этом?

– Именно. Но... не только. Я ведь усомнился и в Спасителе, верно? И я недаром вспоминал пророчества Пришествия. Не забыл, некромант?

– Разрушитель, Отступник и прорыв Тьмы.

– Похвально, похвально, ты слушал меня со вниманием... – Этлау скривился. – Никак не отвяжется эта дурацкая манера вещать, – пожаловался он. – Так вот, мэтр, нравится тебе или нет, но мы с тобой – это именно Разрушитель с Отступником. А прорыв Тьмы... разве то, что мы видели только что и что пережили, не есть оный прорыв?

– Не слишком ли громкие слова, Этлау? Это был всего лишь удар Салладорца...

– Удар, снёсший аркинские негаторы, а уж они, поверь, кое-чего стоят, – перебил инквизитор. – И я подозреваю, что на поверхности нас ожидает невесёлое зрелище.

– Недобитые птенцы, зомби Клешной?..

– Ты порой потрясающе наивен, Кэр. Хотел бы я тоже так... Нет, мой добрый некромант, там, наверху – прорыв Тьмы. И, если ты не знаешь, что это такое, – очень советую тебе приготовиться. Не хотелось бы тебя лишний раз откачивать.

– А как же... мои друзья? – с заминкой выговорил некромант.

Этлау только вздохнул и развёл руками.

– Мы ничего не можем сделать.

Драконий огонь внезапно потух, мрак вновь задёрнул занавеси.

– Можем, всё мы можем, – прозвучал звонкий голосок Рыси. – Их надо забрать отсюда. Я отнесу их на Пик Судеб, к Сфайрату. Если им суждено... уснуть навсегда, то Пик... это хорошее место. Чистое, если ты понимаешь, о чём я, папа.

Фесс понимал.

– Что ж, ничего не имею против, – развёл руками инквизитор. – Спрячь подальше Ключ, мэтр Лаэда.

– Не Ключ, Этлау, половину, только половину...

– Ничего, и её тоже придумаем, как к делу пристроить. Пропустите, я впереди пойду. Света не подкинешь, некромант?..

Не оглядываясь, они двинулись прочь из подземной камеры, разом превратившейся в погребальный покой. Фесс засветил небольшой огонёк, поплывший перед троицей. Рысь оставалась в человеческом облике.

– Прорыв Тьмы, прорыв Тьмы... – проворчал некромант, когда они поднимались по серпантину винтовых лестниц. – Не вижу никакого прорыва...

– Глянь сюда, Кэр.

Повинуясь команде Фесса, огненный шарик пролетел туда-сюда по длинному коридору; весь пол сплошным ковром покрывали мёртвые тела, вернее – всё те же прикрытые одеждой или латами костяки. И все они подергивались, шевелились, пытаясь дотянуться до проходящих мимо живых.

– Это ещё не прорыв, это оружие Салладорца, – упорствовал некромант. – И то сказать – почему Эвенгар удрал? Почему не вернулся за второй половиной Ключа? Она ему не важна?..

– Думаю, – спокойно заметил Этлау, – даже он не дерзнёт сунуться *извне* в то место, где прорвалась Тьма.

– А как же мы?

– Нам легче, мэтр, мы – непонятно почему – уцелели в самом сердце шторма.

– Вот это мне особенно интересно, – буркнул Фесс. – Нас-то что спасло?..

– Ну, если принять, что ты – Разрушитель, а я – Отступник...

– Опять ты за своё, преподобный. А Рысь как же? Или, может, это *её* надо в «прорыв Тьмы» записать?

– Всё шутишь, Кэр.

– Дела такие – или смеяться, или плакать...

– Это была чистая Тьма. Чистая, изначальная. Она сметёт любые барьеры и заклятья, но спасует перед чистым же Светом. А твоя дочка – Свет, – с необычной интонацией закончил Этлау. – Она – настоящий дракон, каким ему и следует быть. «Архетип», как сказали бы наши вивлиофикари. Тьма для неё – ничто, просто темнота, повод поспать, быть может. Даже если эта тьма сокрушает аркинские негаторы магии.

– Драконы не неуязвимы. Я знаю, – возразил Фесс. – Видел сам, ещё под Скавеллом.

– Я и не говорю, что все драконы такие, – неожиданно согласился инквизитор. – Другого... или другую... размазало бы в той камере по стенке, и не помогла бы никакая броня. Это Рысь. Твоя дочка. Наверное, другой у тебя и быть не могло, мэтр.

– Что-то ты стал вещать, преподобный, точно... – Фесс замаялся. – Откуда ты всё это знаешь? О драконах, о Свете, о Тьме... о Рыське, наконец!

– Всё просто – ты отлично поработал, Кэр, когда показал мне мою сущность. Словно по голове пудовым молотом, но зато выковалось что-то новое.

– Жаль только, не ушло ничего из старого, – подала голос Рысь.

– Мне тоже, – кивнул инквизитор. – Но кто знает, вдруг пригодится? Там, на последнем берегу?

– До последнего берега ещё дотянуть нужно. Скажи лучше, преподобный... – Некромант вовремя прикусил язык. Потому что Рысь этот вопрос слышать совершенно не полагалось. Ведь если на неё, по словам Этлау, не подействовала «чистая Тьма» – то что случится, если драконица столкнётся с Сущностью?

«Ничего не случится», – беззвучно ответила негодная девчонка. – Прости, папа. Я... подслушивала. Но Сущность – это ведь не Тьма, верно? Мы это знаем, и ты и я. Она лишь использует Тьму, просто как оружие. Ты ведь тоже понимаешь это, папа. Так что не бойся. Я не брошусь на неё очертя голову и не постараюсь «красиво умереть». Это будет просто бессмысленно, от летящего камня Она и то претерпит большие урона...»

Она права, подумал Фесс. Сущность – не Тьма. Хотя... Этлау утверждает, что Салладорец использовал эту самую «изначальную Тьму» – но как вышло, что я ничего не почувствовал? В конце концов, зывать к Тёмной Шестёрке приходилось не раз и не два. Они – вот настоящая Тьма этого мира. Её отражения, преображения, не злые и не добрые, а если и злые или добрые – так злостью или добротой самой многорождающей и многоразящей Природы, где смерть даёт начало жизни, а жизнь – смерти.

Но ничего подобного здесь, в оставшемся позади подземелье, не было. Или Шестеро – это тоже не «чистая Тьма»?

Катакомбы Аркина встречали их жуткой, гулкой пустотой. Да ещё иссохшими костяками, словно те пролежали невесть сколько времени в самом сердце салладорской пустыни. Эвенгар не экономил силы и не рисковал необходимостью повторных атак.

Но... если он уничтожил всех и вся в подземельях... что случилось с зависшими, по словам того же Этлау, «меж смертью и жизнью»? Что с гномом, орком и полуэльфийкой?..

В секретной камере ничего не изменилось. Во всяком случае, на первый взгляд. Те же три неподвижных тела, разве что у гнома вроде б руки были сложены чуть по-иному, или это Фесса уже подводит память?

Этлау заскрипел зубами, но решительно подхватил на плечо Прадда; невеликий ростом инквизитор почти исчез под массивным телом орка; зеленокожие руки почти что волочились по полу. Фесс сделал было движение к Рыси, но его опередила драконица, легко вскинувшая на руки неподвижную полуэльфийку, так что некроманту достался гном.

– Ничего, выберемся отсюда, перекинусь, всех потащу, – пообещала Аэсоннэ, видя изнемогающего инквизитора.

...Выбирались из подземелий они долго, несколько раз устраивая привалы. Преподобный отец-эксекUTOR по-прежнему твердил о «прорыве Тьмы» и об «исполнении пророчества»; Фесс, однако, слушал вполуха. Он едва мог оторвать взгляд от Рыси-первой, от бессильно свесившихся рук, мотающейся головы; нетронутая тлением, полуэльфийка и впрямь «казалась спящей», как любят говорить сказители.

– Утро наступает, – отдуваясь, заметил Этлау, когда они наконец очутились на поверхности.

– Какое ещё утро? – вокруг Фесса царила сплошная тьма. Где-то вдалеке полыхали пожары, но так – ночь как ночь.

– Он прав, папа, – Рыся аккуратно опустила свою ношу на камни двора. – Сейчас утро, но рассвет не настаёт. Тьма прорвалась.

Аэсоннэ произнесла всё это с нечеловеческим спокойствием и достоинством – как и положено гордой дочери великого племени драконов.

– Не вижу ничего страшного, – проворчал некромант.

– Не видишь? – зловеще прошипел инквизитор. – А ты глянь повнимательнее, туда, к воротам!

...В толстых стенах Курии испокон веку хоронили её отличившихся слуг. Выдалбливалась неглубокая ниша, замотанное погребальным саваном тело вкатывалось туда и замуровывалось. Поверх водружали мраморную плиту с соответствующей эпитафией; сейчас эти плиты, истёртые ветрами времени, с треском лопались, звонкий дождь мраморных брызг барабанил по гранитным плитам двора; из раскрывающихся могил один за другим выбирались скелеты, таща за собой полуистлевшие грязные тряпки погребальных холстин.

– Неупокоенные. В самом сердце Аркина, где нас всегда защищала Святая магия, – хладнокровно проговорил инквизитор. – Могли подняться все остальные погосты, но только не этот. А уж что делается сейчас в крипте кафедрального собора...

– Все архипрелаты собираются вместе, – хихикнула Рысь. Дерзкую драконицу, казалось, уже ничто не могло испугать.

– Ну, лезут мертвяки, ну и что? – не уступал некромант. – Неупокоенность я чувствую, не без того, но кроме неё – ничего. И этот самый «прорыв Тьмы» – он только здесь, или по всему Эвиалу?

– Пока только здесь, – отозвался Этлау. – И пока это только неупокоенные. А очень скоро повалят всякие твари и тварюшки... навряд ли тех, что славно погуляли в Эгесте после твоего туда визита, мэтр Лаэда. А потом... авторы «Анналов Тьмы» напридумывали ещё немало, но я бы не стал обращать внимание на плоды их воображения.

– Они вообще ничего не предсказали? – невинным голосом осведомилась Рыся, не сводя взгляда со скелетов, неуклюже барахтающихся среди мраморных обломков.

– Ну почему же... В том, что первой стадией прорыва Тьмы станет разупокаивание даже самых надёжно укрытых погостов, соглашаются все до единого толкователи.

– Папа, в Эгесте ты же смог отразить Сущность, да, папа?

Некромант ответил не сразу.

– Да, дочка, смог. Хотя... не уверен, что я Её именно «отразил», скорее Она отступила сама...

– Потому что поняла, что ты – на правильном пути, – подхватил Этлау. – На пути к воплощению Разрушителя. И совершенно неважно, что ты сам для себя отверг эту роль. Иногда действительно все наши поступки оказываются во вред, – он начал было поднимать палец, досадливо сжал кулаки, оборвав движение.

– Я не Разрушитель. И ты это знаешь, инквизитор.

– Ты *думаешь*, что ты не Разрушитель, – мягко поправил его Этлау. – Я лишь вновь и вновь удивляюсь Её хитрости. Она предусмотрела всё, и даже возможность того, что Её избранник попытается уйти от своей участи, восстанет против Неё, но всё равно, водоворот понесёт его к одной-единственной точке, в которой... всё и решится.

– Думаю, что задерживаться тут не стоит, – спокойно заметила Рысь, кивая на неупокоенных. Скелеты тем временем сумели разобраться, что к чему, и молчаливым строем двинулись к застывшему некроманту и его спутникам.

Мгновение – и вместо жемчужноволосяй девушки-подростка появился могучий дракон. Гибкая шея изогнулась, голова выразительно кивнула на неподвижные тела.

Аркинские негаторы более не действовали, Рысь, Прадда и Сугутора на драконьей спине удерживало чародейство. Фесс и Этлау взгромоздились следом, и Аэсоннэ, с некоторым усилием взмахнув крыльями, оторвалась от земли, пусть для этого ей и пришлось пробежаться по двору, словно дикой гусыне.

Неупокоенные проводили их равнодушными взглядами.

От великого города, где вздымались шпили бесчисленных соборов, где тянулись длинные торговые улицы, где некогда бросали якорь корабли со всего света – не осталось почти ничего. Кое-где догорали пожары – их некому стало тушить; среди развалин, точно муравьи, копошились фигурки в ало-зелёном: остатки армии Клешной смогли-таки овладеть руинами Аркина.

– Где поури?! Где птенцы? – вырвалось у некроманта.

«*Поури в полном порядке. Птенцам, боюсь, крепко не поздоровилось, многие так и вовсе ушли*», – отозвалась драконица. – *Я велела карликам убираться из Аркина как можно быстрее. Надеюсь, большинство успело – это полезные слуги*».

Вокруг по-прежнему царила темнота – беззвёздная и безлунная. Небо казалось задёрганной сплошной непроглядной завесой, даже не облаками, живыми, несущими в себе дождь.

– Многие ушли, – вслух повторил Фесс. – А город-то стоит...

– Ты о чём, некромант?

– Птенцы Салладорца «сливались с Тьмой», пока дрались в городе. Наверное, когда иссякала заёмная сила Эвенгара, птенцы уходили. Но Аркин остался. Никакого сравнения с тем же Арвестом!

– Да уж, – поёжился инквизитор. – Арвест. Бррр... до сих пор дрожу. Неприятное это занятие – умирать, доложу я тебе, сударь мой Неясыть... Прости, отвлёкся. В общем, что-то тут не то. Тогда на весь город одной Атлики хватило.

Фесс помолчал, вспоминая. Да, Атлика... инквизитор прав, что-то с тобой и впрямь не то. Притащила трактат Салладорца. Откуда взяла, спрашивается?

– Этлау, а святые братья вообще часто ловили кого-то на этот самый «Трактат о сущности инобытия»? Ну, из-за меченых рун?

– Понимаю, о чём ты, – задумался Этлау. – Нет, нечасто. За последние пятьдесят лет – и вовсе никого.

– А ведь Атлика орудовала в Ордосе, – напомнил некромант. – Потом появилась в Арвесте, уже с трактатом. Стёрла город с лица земли... и исчезла. Другие птенцы вон, тоже *уходили*

... хотя что я Аркин поминаю, когда Салладорец воскресал, один из его последышей отправился к своей любимой Тьме – и ничего. Только саркофаг раскололся.

– Ты хочешь сказать, что Атлика – не та, за кого себя выдавала?

– Подозреваю, – буркнул Фесс. – Что-то слишком уж много тут совпадений.

– А какой смысл уничтожать Арвест, если не отбить вторжение Клешней? – возразил инквизитор, однако Фесс не ответил – смотрел вниз, на окутанные серой хмарью руины Святого города. Пожары угасали сами собой, словно чистое пламя, пусть даже и разрушительное, не способно было гореть в заполнившемся туманом воздухе. Инквизитор заметил, куда смотрит Фесс, взглянул тоже, передёрнулся.

– В Аркине не осталось никого живого, – хрипло проговорил Этлау. – Тьма растекается окрест. Вскоре, как утверждают «Анналы», она должна остановиться... но потом отсюда начнётся Её последний поход.

– Будет тебе, накаркаешь, – буркнул некромант.

– Куда уж тут каркать... смотри, мэтр, наступает твоё время. Я помогу всем, чем только смогу, – нет больше ни Курии, ни понтифика, ни мастеров Святой Магии... ничего нет. Только мы с тобой.

– Ордос. Волшебный Двор...

– Надо б освободить Мегану, – слабо усмехнулся инквизитор. – На её месте я б, наверное, поступил точно так же. Отступник не имеет права жить – однако ж мы с тобой живём, и Салладорец, получается, выступил на нашей стороне, дал нам свободу...

– Нашу свободу мы взяли сами, – отрезал Фесс.

– Будет тебе, будет... пустые это словеса, Кэр. Не знаю, во что превратится Аркин под пологом Тьмы, но, боюсь, это место проклято уже навсегда. Церкви Спасителя уже не подняться... если только Он сам не соизволит спуститься в Эвиал.

В отдалении тёмный западный горизонт пересекла огнистая черта. Затем мелькнула ещё одна, уже на севере.

– Всё падают и падают... – проворчал Этлау. – А что это падает – ума не приложу. Сроду у нас ничего подобного не случалось, и в хрониках ничего не вычитаешь...

Ну да, закрытый мир, мельком подумал Фесс. Что на самом деле может тут падать?..

«Поури останутся тут, неподалёку, – услышал некромант. – На всякий случай».

– А наши зомби?

«Папа, – усмешка в голосе драконицы была едва заметна, – они уже не наши. С того самого мгновения, как Салладорец нанёс удар, и Аркин... изменился. У них теперь новая хозяйка».

И вновь ты права, Аэсоннэ. Что ж это со мной? Не чувствую простейших вещей, азбучных, как говорится. Конечно, Сущность, мать и исток всей неупокоенности, уже их перехватила. Плохо, но по сравнению со случившимся...

Вокруг Аркина странная темнота растекалась вширь, и весна умирала. Власть брало серое безвременье, сильно и неприятно похожее на вечный сон, который уже не закончится очередным пробуждением. Леса застыли недвижные, облетевшие, и ветер не шевелил нагих ветвей – ветры тоже умерли, всякое движение в воздухе и на земле пресеклось. Реки держались лучше и дольше. Текучая вода вообще одно из надёжных средств от неупокоенности. Одиночный мертвяк может и не перейти простого ручья, если, конечно, это обычный труп, сам выкопавшийся из земли, а не поднятый силой некроманта – иначе зомби Фесса никогда не вошли бы в реку, схватившись в приснопамятном бою с птенцами Салладорца.

...Но сейчас сдавались и реки. Русла застывали, словно в них струилась не лёгкая вода, а тяжёлая глинистая взвесь; поверхность сделалась неправдоподобно ровной, гладкой, словно зеркало, только, в отличие от настоящих зеркал, в этих ничего не отражалось – даже оцепеневших деревьев, что застыли над поражёнными немощью протоками. Хорошо, что деревни

опустели, ещё когда армия Фесса только приближалась к Святому городу; некромант от всей души надеялся, что Сущность соберёт здесь невеликую жатву.

А потом в единый миг всё изменилось – Аэсоннэ пробила завесу распространяющегося сумрака. И внизу вновь зазеленело – весна пришла в аркинские пределы, ранняя и дружная. Шёл Месяц Воды, уже наступила его середина, и здесь, на границе Святой Области и Эгеста, снега давно отступили, а чёрные ветви в очередной, бессчётный раз выбросили готовое к бою воинство лопающихся почек, бьющих в небосвод зелёными оголовками.

– Благодать, – выдохнул Этлау. – Словно и нет никакой тебе Тьмы...

– Благодать, – согласился некромант. – Однако... не дает мне покоя эта Атлика.

– Мне тоже, – признался инквизитор. – Но... если она служит, скажем, тому же Салладорцу, то зачем отражать нападение Клешной, пусть даже и такой ценой?

– Другая у неё была миссия. – Фесс старался вспомнить сейчас мельчайшие подробности. – Клешни отбить – так, побочное, но полезное.

– Гм, полезное... тебя, некромант, определить в Разрушители.

– Быть может. Уж слишком настойчиво она мне подсовывала тот трактат.

– Значит, она служила Западной Тьме?

– Едва ли. Клешни ведь тоже с Её руки кормятся.

Инквизитор раздражённо хрустнул пальцами.

– Но она ведь не из магов!

«А кто ж её теперь-то знает, – подумал Фесс. – Не из магов Долины, верно. И... я слишком привык думать, что, кроме нас, второй такой общины чародеев нет и не было. А что, если я ошибаюсь? Если действуют тут, в Эвиале, какие-то ещё сущности, мне неизвестные? Может, они и Эвенгара сподвигли на его дела? Мне-то в Ордосе словом не с кем было перемолвиться, а Салладорец – школу создал. Набрал последователей. Написал трактат... стоп, а как он его размножил? Это ж какой труд нужен! Писцы, опытные переписчики... откуда им взяться? Кто тогда был грамотен, кто до такой степени разбирался в рунах, чтобы всё скопировать правильно? Тут ведь штрих на полволоса сдвинешь, как говаривал Парри, и всё, нету заклинания!

Тьма и Свет, как я не замечал этого раньше? *Кто же помогал Салладорцу в самом начале?!*

Откуда взялись последователи, эти самые птенцы? Он что, выходил на площади и проповедовал? Конечно, Академия – самое свободное место во всём Старом Свете, но такого не потерпел бы ни один ректор. Быть может, к Эвенгару и впрямь отнеслись со снисхождением, всё-таки свой; недаром ведь гонялась-то за ним Инквизиция, а не Белый Совет. Но всё равно – так просто набрать учеников у него бы не вышло. Или вышло бы, но за долгие годы – тайные общества, тройки, пятёрки, где рядовые знают только своего набольшего; а тут за считанные месяцы – целая школа, верные аколиты, ячейки по всему Эбину, Семиградью, Эгесту, Мекампу! Как там говорил Даэнур, если не врал, конечно же: «Трактат „О сущности инобытия“ он написал за три месяца. Я не знаю, как ему это удалось. Он не ел, не пил и не спал. И не пользовался никакими источниками, не списывал ничего у древних. Он просто ставил опыты. С Тьмой. И, разумеется, ставил он их над самим собой».

Х-ха, опыты он ставил.

Ему же просто продиктовали этот трактат.

Нет, погоди, это ты уже завидуешь. Не продиктовали, конечно же. Но что *помогли* – это почти наверняка.

Кто помог? Сущность? Возможно... Тогда Атлика – тоже из числа Её избранных слуг? Нет, не сходится. Тогда она бы и пальцем не тронула ворвавшихся в Арвест. Или... тронула бы? Иногда мне кажется, что Сущность – не едина. Порой Она словно сама с собою борется... Или тут всё ещё сложнее? И в Эвиале сошлись какие-то иные, мне совершенно неизвестные игроки, просто использующие то, что подвернётся?..»

Руки сами сжались в кулаки, некроманта затрясло.

«Ты видел только то, что хотел видеть. Весёлую девчонку, быть может – подружку, потом – фанатичную последовательницу Эвенгара. Ты всегда относился к фанатикам с пренебрежением, их ограниченность, их слепота только поддерживали твои „широту познаний“ и „открытость взгляда“. И не замечал очевидного! Что Атлика появлялась исключительно там, где надо и когда надо; что она, именно она стала причиной твоей кровавой распри с Инквизицией; она подсунула тебе Трактат и настойчиво склоняла „почитать“ его; а потом просто уничтожила Арвест, словно показывая тебе пределы своей силы, и исчезла. Верить своим глазам в таких случаях нельзя – Атлике, если она маг, ничего не стоило навести сложную иллюзию, а самой скрыться – хотя бы по тем же „тонким путям“, о которых говорил Сфайрат. Так что это, маски? Стоп, обряд в катакомбах, Атлика и Маски – они заодно? Слишком мало ты ещё знаешь, братец Кэр, о тех, кто действительно играет в Эвиале. Пешка ты, как ни крути, хоть и рвущаяся к краю поля...»

– Что-то надумалось, Неясыть? – осведомился Этлау, не нарушавший размышлений некроманта.

– Только то, что с Атликой не всё так просто, – честно признался некромант. – Но вот с кем она, за кого стоит – не знаю.

«Если я её встречу, то, ручаюсь, папа, ты это узнаешь», – посулила Рысь-Аэсоннэ, даже и не подумав извиниться за то, что опять подслушивала его мысли.

– Только на то и надеюсь, – буркнул Фесс, решивший махнуть рукой на дурные манеры несносной драконицы. – Что б мы без тебя делали...

...Рыся мчалась, и воздух стонал под её широкими крыльями. Слева – Нарн, справа – Вечный лес, а прямо под ними – многострадальный Эгест. Где-то там безымянная деревушка, где он, Фесс, встретил Рысь-первую, чьё бездыханное тело чуть покачивается сейчас на могучей драконьей спине.

«Круг завершается», – подумал некромант. Вернее, петля, наверное, самая широкая из всех, пройденных здесь, в Эвиале. Северный Клык, башня старика Парри – степи Замекам-пья – Мекамп – Ордос; так завершилась первая. Ордос – Арвест – Большие Комары и другие окрестности ещё живого города – вторжение Клешной, удар Атлики и его собственное бегство; закончилась вторая петля. Нарн – Эгест – Вечный лес – Пик Судеб и конец третьей петли; четвёртая повела его далеко на юг, в Салладор и Кинт Ближний, закончившись в Скавелле, в тот миг, когда странная девчонка с исполинским чёрным мечом, тоже непонятно, кто такая, явно не местная, не из Ордоса, прервала его нелепый бой против Клары Хюммель; пятая петля легла через Чёрную башню, вырвалась из её пылающих руин, вновь метнулась к Пику Судеб, а затем вторично устремилась на полдень, словно норовя провести некроманта по всем памятным ему местам – будто бы стараясь что-то втолковать.

Он не внял немому совету. Вновь и вновь он слепо лез вперёд, точно муравей на стеклянную стенку. Уже лишившись Мечей, он всё равно не отворачивал. Это что, смелость, упорство, или глупость? Слишком много упущенных шансов. Слишком мало настоящих удач; одни потери. Лишь одно обретение – Аэсоннэ, дочка.

Что дальше? Пик Судеб, оставить там мёртвых (всё-таки мёртвых, не обманывая себя, некромант!) – и что делать потом? С половиной Аркинского Ключа, бежавшим со второй половиной Салладорцем и Сущностью, растекающейся над руинами Аркина? «Семеро против Фив», порой говаривала Клара, принесённое это изречение из какого-то далёкого мирка.

И неужто Сущность предусмотрела даже такой поворот, неужто Она обращает его в Разрушителя против его воли, несмотря на его единственное и жгучее желание – покончить с Нею самой? Или Она настолько выше человеческих страстей? Настолько привыкла использовать людей как инструмент? Где он сможет остановиться и дать отпор? Где?..

И сколько у него осталось времени? Будет ли мрак растекаться из развалин Святого Города и дальше или же остановится?

Салладорец. Что-то с тобой не так. Явно не так. Выспренные речи, драматические появления... или это тоже часть плана?

Фесс забыл о свистящем вокруг ветре, о несущейся внизу земле. Что-то очень важное оказалось совсем близко, надо лишь выстроить события в правильную цепочку и дать им верное толкование.

А потом всё вдруг встало на свои места. Да так, что он, сам несколько опешив от этого, смог отстраниться от мыслей об Эвенгаре и вспомнить Сфайрата.

Сфайрат... посмотрим, как ты станешь выкручиваться на этот раз. Драконам больше не остаться в стороне и не отделаться одним рейдом, как это случилось в Скавелле. Нет, им придётся вылезти из уютных пещерок, со внезапной злобой подумал некромант. И тогда...

На миг он представил себе это – восьмёрку драконов во главе со Сфайратом и себя самого, верхом на жемчужной Аэсоннэ, клином несущихся прямо на стену абсолютного мрака, перегородившего Эвиал от земли до самых небесных сфер, знающих, что это их последний полёт, и...

Тьфу, какая глупость. «Последний полёт». «Красивая смерть». Смерть красивой не бывает, можно умереть с толком или же без оного. Кэр Лаэда привык думать, что его отец погиб именно с толком – хотя последнее время некроманта всё больше одолевали сомнения. Те видения с отцом, что посещали его, – пришли из глубины собственной памяти некроманта? Или же это на самом деле весточка, поданная из Серых Пределов?..

Однако бесконечная ночь, вместившая в себя столько разных событий, всё-таки уступала место утру. Солнце поднялось над Вечным лесом, разящие лучи устремились на затенённый запад, и ночные тени обратились в поспешное бегство – всюду, кроме Святого города. Сотканный из мрака щит играючи отразил натиск светлого воинства.

Фесс оглянулся. Чудовищная сфера вытягивалась вверх, но, по крайней мере на глаз, не расширялась. Сперва сумеречно-серый, она заметно почернела, и если раньше сквозь пелену можно было различить уцелевшие шпили Аркина, то теперь там царила одна сплошная темень.

– Наверное, так же выглядит и Сущность... – Этлау тоже поминутно оглядывался.

– Нет, не так, – отозвался некромант. – Сущность – это настоящая чернота. Не Тьма, нет – просто отсутствие всего, в том числе и света.

«А вот эту самую Тьму нельзя столкнуть с Сущностью?» – подала голос драконица.

– Знать бы, как... – вздохнул Фесс.

И в самом деле, как?

На горизонте неколебимой крепостью, несокрушимой твердыней выросал Пик Судеб, и невольно Фесс подумал, что здесь им и предстоит, наверное, настоящий «последний бой» – просто потому, что они не смогут ни сдаться, ни покончить с собой; так и будут отходить, пока спины не упрутся в холодный камень скалы.

Проносясь над Эгестом, Аэсоннэ не таилась, и люди внизу разбегались в панике, едва заведя в небе жемчужнокрылого дракона. Большинство бросались к храмам Спасителя; небось решили, что настал конец света, спешат помолиться в последний раз, попросить Его о снисхождении...

День вступил в полную силу, когда выбившаяся из сил Рыся опустилась среди горных отрогов. Впереди зияла пещера – драконице не требовалось карты, чтобы отыскать проход, ведущий к Кристаллу Магии.

А в проёме застыла человеческая фигура в полном доспехе; чуть покачивались перья кричаще-пышного плюмажа.

Сфайрат в очередной раз показал, что умеет предугадывать события. Он ждал их.

– Словно и не расставались, некромант.

– И тебе тоже привет, о многомудрый Сфайрат.

– Я смотрю, ты решил помириться со Святой Инквизицией? – усмехнулся дракон.

– Не с инквизицией. Только с одним из них.

– С Отступником, если быть точным, – вежливо поклонился Этлау.

– С Отступником... ох уж мне эти человеческие выдумки, – покачал головой Сфайрат. – Идёмте внутрь. Что ты хочешь сделать с этими телами, Фесс? А, понимаю – похоронить голубоко и надёжно, чтобы никто не осквернил их могилы? На этот счёт не сомневайся, я покажу тебе подходящее место...

Стиснувшиеся было кулаки некроманта разжались сами собой. Сфайрат не смеялся. Достойное погребение считалось очень важным у драконов – достаточно вспомнить галерею бывших Хранителей в глубине Пика Судеб. И сейчас ядовитый, язвительный дракон был искренен, он на самом деле решил, что Фесс совершил хоть один по-настоящему верный поступок – привёз сюда своих погибших друзей, чтобы с честью предать их земле.

– Да простит меня многомудрый Сфайрат, но Святая Инквизиция считает, что эти трое несчастных живы.

Дракон не удостоил отца-эксекютора ответом.

Прибывшие осторожно опустили тела орка, гнома и полуэльфийки на каменные лежа в глубине одного из боковых коридоров. Отец Этлау в благоговении застыл перед Кристаллом; в отличие от Фесса он не мог заметить, что сам волшебный камень светится теперь не так ярко, а поверхность его покрылась сероватым налётом, словно бы паутиной.

– Когда ты хочешь устроить погребение, некромант?

– Я... взгляни на них сам, о мудрый дракон, разве они кажутся тебе мёртвыми? Прошло много месяцев с того дня, как... как они получили свои раны. Разве труп может сохраниться так долго?

– И это говорит мне ученик Даэнтура? – поморщился дракон. – Из того, что *ты* не заметил наложенных заклятий, не следует, что их там вовсе нет.

– А они есть? – набычился отец Этлау, словно болея за доброе имя святых братьев. – Ты, некромант, вот что... не заваливай наглухо выход, ну к ним, туда.

– Инквизитор. – Сфайрат впервые взглянул тому прямо в глаза, и Этлау, не выдержав, поспешно отвёл взгляд. – Я позволил тебе спуститься сюда, потому что всем нам осталось уже совсем немного. Но не испытывай моего терпения и не заставляй меня сделать твой земной путь ещё короче!

– Я не думаю, что нам «осталось совсем немного», – решительно проговорил Фесс. – Мы пришли сюда с мыслями не о смерти, а о жизни, да простится мне эта патетика, многомудрый. Сущность прорвалась в Аркине, а Салладорец...

– Унёс вторую половину Аркинского Ключа, я знаю, – кивнул дракон. – Возмущения сил оказались такими, что мой кристалл отражал всё это, словно в зеркале.

– Другая половина у меня, – негромко произнёс некромант, разжимая пальцы.

Кристалл Магии полыхнул яростным, несдерживаемым пламенем; серую паутину с его боков словно слизнул огонь. Сфайрат вскрикнул и отшатнулся, закрываясь локтём; Рыся не устояла на ногах, а Этлау и вовсе шваркнуло об стену.

– Ключ... – просипел дракон, медленно отводя руку и сильно шурясь. Смотреть впрямую на артефакт он не дерзал.

– Половина Ключа, – вновь поправил его Фесс. – Вторая осталась у Салладорца.

– Никогда не думал, что человеческие руки смогут создать нечто подобное, – со вздохом признался Сфайрат, по-прежнему искоса глядя на чёрные, опоясанные огнём кубики в ладони Фесса.

– Человеческие ли? – проворчал Этлау, с трудом вставая. – Откуда это взялось в Аркине? Кто его смастерил? Первые понтифики? Не смешите меня. Они и ночной вазы не смогли бы измыслить.

– Странные то речи в устах носящего рясу, – с холодной насмешкой заметил Сфайрат.

– Я – Отступник, – гордо выпрямился Этлау. – Я более не в лоне Святой Матери.

– И ты считаешь, это твоя заслуга? – хмыкнул дракон.

– Нет, не моя. Но я надеюсь сыграть несколько иную роль, чем мне навязывают «Анналы Тьмы».

– А почему, собственно говоря? – вдруг заинтересовался Сфайрат.

– Я разуверился в Спасителе, – слова эти дались Этлау с явным трудом. – Я ношу в себе Тьму, и... и что-то ещё. Я лишь пешка. И мне не нравится то, что *они*,двигающие меня с клетки на клетку, хотят сделать со мной, когда я пройду до конца. И со мной, и с миром.

– Ты решил, что Спаситель – не благ? – продолжал спрашивать дракон.

– Не благ, – кивнул Этлау. – Я метался, я сомневался... молился тоже... а вот сейчас, стоя перед тобой, о мудрый дракон, я не нахожу в себе сомнений. Я обречён был умереть на улицах Арвеста, умереть честной смертью... а вместо этого стал куклой того же Спасителя.

– Многие верные чада Святой Церкви сочли бы эту участь за величайшее счастье, – многозначительно заметил Сфайрат.

– Верно. Сочли бы, – кивнул инквизитор. – И я сам бы счёл ещё совсем недавно. Но... бывает, что у куклы открываются нарисованные глаза. Я был *там*, дракон, я видел *это*, я смотрел за грань... там нет ничего, о чём говорит Священное Писание. Нет никакого посмертия, дракон. Нет ни милостей, ни кары. Нет воздаяния. Есть лишь утроба. *Его* утроба. И... я не хочу туда. Лучше уж погаснуть, точно догоревшая свеча, чем терпеть такое.

Фесс невольно поёжился – воспоминания инквизитора вдруг вспыхнули в его сознании.

– Нам легче – Спаситель не имеет власти над родом драконов, – проговорил Сфайрат, но как-то не очень уверенно.

– Не в этом дело, – досадливо бросил некромант. – Какая разница – имеет, не имеет... Сфайрат! Сущность прорвалась в Аркине и, наверное, вскоре одолеет последнюю преграду. Салладорец...

– Но у тебя – половина Ключа, – перебил дракон, – Эвенгар, бесспорно, силен и способен на многое, но... Разве это его не остановит? То, что артефакт разъят надвое? Хотя, судя по мощи того, что ты сейчас в руках держишь, может, и ему хватит... не знаю, не могу понять, – Сфайрат раздражённо хрустнул пальцами. – А вообще – расскажите мне во всех подробностях всё с самого начала.

Появившаяся вскоре Эйтери пожала некроманту руку и нежно обняла Рысю.

– Рада видеть тебя целым и невредимым, Фесс. Кажется, руки-ноги на месте? В моих услугах не нуждаешься?

– Не нуждаюсь, Сотворяющая. Разве что вот это... – и он показал изрезанную ладонь.

– Ох ты... – враз посерьёзнела гнома. – Чем посёк-то? Чем-то ведь очень непростым...

– Да вот этим, – на левой ладони Фесса возник шестигранник из Чёрной башни.

– Ой! – вздрогнула Эйтери, так же как и Сфайрат закрываясь сгибом локтя. – У-убери. Пожалуйста...

– Исток, – проговорил Сфайрат, осторожно заглядывая через плечо некроманту. – Ты носишь с собой самый настоящий исток.

– Исток чего?

– Чёрной башни, как нетрудно понять. Ты можешь возвести её где угодно и когда угодно – вот только не думаю, что у тебя осталось время этим воспользоваться.

– Воспользоваться-то он, наверное, может, а вот сколько это продлится... – зябко поёжилась Сотворяющая. – Поставить-то можно, но потом...

– Времени у нас нет, – кивнул дракон. – Но штука, бесспорно, могущественная. Значит, говоришь, при её помощи смог набросить Смертную Сеть?

– Ты неправ, Сфайрат. Строить Чёрную башню вовсе не обязательно. Она всегда со мной, всегда. И я в любой миг могу войти в неё. Время для меня остановится... наверное.

Дракон, Этлау и гнома слушали его, округлив глаза.

– Твоя собственная Чёрная башня... ну да, ну да. Непременный атрибут Разрушителя, хотя впрямую «Анналы Тьмы» об этом и не говорят...

Гнома метнула на инквизитора подозрительный взгляд – как-никак не так давно разбрызгивала на главной площади Аркина свои эликсиры, вытаскивая некроманта с пыточного эшафота.

– Не знаю, можно ли пускать такое в ход...

– Боюсь, выбора у нас уже не осталось, – заметил Сфайрат. – В Кристалле сейчас – настоящая буря. Броня вокруг Эвиала истончилась. Он... открывается, если ты понимаешь, о чём я, Фесс. Новые сущности вторгаются в него, совершенно чуждые всему здешнему, самой природе нашего мира. Я не знаю, кто они, не знаю, зачем они здесь и почему. И... Кристалл трепещет так, словно чувствует сдвиг и смещение всей магии Эвиала и окрестностей. Не смотри на меня с таким ужасом, Эйтери, страх обессиливает. А вот что вызывает эти сдвиги и смещения, я боюсь даже думать.

– Спаситель, – с мрачной торжественностью провозгласил инквизитор. – Он идёт. Пророчества исполняются. Разрушитель, Отступник, прорыв Тьмы – всё в наличии.

– Интересно, – ледяным тоном поинтересовался дракон, – что, если я сейчас испепелю тебя, «Отступник», а прах развею над Пиком Судеб? Что тогда случится с пророчествами?

– Ровным счётом ничего, – прежним тоном отозвался Этлау. – Пророчества – это просто запоры. Отодвинул их, распахнул створки – и больше о них уже никто не вспомнит. Так и здесь. Мы нужны, чтобы мир оказался в смертельной опасности. Чтобы все храмы – битком, чтобы стон и плач, чтобы общий крик – «прииди, прииди!»... А Ему только того и надо.

– Если Он настолько могущественен – зачем какие-то условности, пророчества и прочая ерунда? – тихо проговорила Эйтери. – Просто войти в мир и взять его, как добычу...

– Метафизика учит нас, что беспредельных, ничем не ограниченных Сил нет и быть не может, – Фесс припомнил уроки, затверженные еще в Долине. – Нет всемогущих богов или чего-то ещё. И оттого у Спасителя тоже есть свои пределы.

– Но кто эти пределы устанавливает? – не выдержал Этлау. – Кто и как? И можно ли до него дозваться, попросить о помощи? Или нам остаются только сородичи нашего дорогого некроманта? Госпожа Клара Хюммель, например? Ну, ну, не поднимай брови, мэтр Лаэда. Святые братья встречались с ней и её отрядом, уже довольно давно, в Агранне. Может, ещё удастся как-то успеть?..

– Клара сейчас очень далеко, на западе, – перебил инквизитора дракон, и на лице его застыло очень странное выражение. – Бьётся в Империи Клешной.

– Откуда ты знаешь? – изумился некромант.

– Я... следил, – признался Сфайрат. – После той нашей встречи, когда я определил, что она – на Волчьих островах, мне... оказалось тяжело вновь впасть в неведение, – как-то подозрительно скомкано закончил он.

В глазах Эйтери мелькнула весёлая искорка, несмотря на все тяжкие известия:

– Да уж не случилось ли так, что ты неровно к ней дышишь, о многомудрый дракон?

– Что?! – взревел Сфайрат, мгновенно преображаясь. Струя кипящего пламени ударила вверх, огонь растёкся по купольному своду пещеры. Этлау, Фесс и даже Аэсоннэ бросились врассыпную.

Страшный хвост несколько раз хлестнул вправо-влево, оставляя глубокие борозды на камне, прежде чем дракон наконец успокоился и вновь принял человеческий облик.

– Это к делу совершенно не относится! – громогласно объявил он, мрачно глядя на втянувшую голову в плечи Сотворяющую. – Нам достаточно, что я точно знаю местонахождение чародейки и её отряда.

– Я могла бы туда добраться, – осторожно проговорила Аэсоннэ, скромно потупив глазки – ни дать ни взять пай-девочка из дорогого пансиона. – Могла бы слетать. Одно крыло здесь – другое там.

– Клара нам не помощница, – выпалил некромант.

– Это ещё почему?

– Да потому, преподобный, что она понятия не имеет, что такое Сущность и как с ней бороться. Думает, что на всё про всё хватит добытых у меня Мечей.

Мельком Фесс подумал о масках, но затем отбросил беспокойство. Не до них сейчас. А если они действительно хотели добраться до Мечей, так уже наверняка добрались – едва ли Клара додумалась спрятать Мечи хотя бы вполровину так хорошо, как это сделал он, Фесс...

– Мечи? Какие Мечи? Что за Мечи? – встрепенулась Эйтери.

Пришлось пересказать историю Алмазного и Деревянного Мечей, начиная с мельинских приключений Фесса, в ту пору ещё не некроманта, а всего лишь скромного воина Серой Лиги.

– Нет, она нам понадобится. – Сфайрат вцепился себе в подбородок, напряжённо размышляя. – Может, ты не так уж и неправа, Аэсоннэ...

Кэр отвернулся. Сказать по правде, встретиться с Кларой он предпочёл бы один на один и совсем в другой обстановке. Поражение до сих пор жгло ядовитой обидой. Как индюка спеленала, как мальчишку осилила! Ну ничего. Ещё посчитаемся.

– А много ли вас таких, драконов? – услышал некромант. Этлау говорил напористо и уверенно, не сомневаясь в своём праве распоряжаться. – Может, собрать вас всех вместе и...

Сфайрат что-то резко ответил, похоже, напомнил инквизитору Скавелл и схватку его сородичей с Червём; мысли же Фесса внезапно приняли совершенно иное направление.

Собрать вместе всех драконов – нет, это не поможет. Сущность надёжно защищена от подобных атак. А вот что, если...

Нет, безумие. Сколько времени уйдёт на поиски?..

Не так и много, если Рыся постарается.

И тогда уже нанести Кларе визит вежливости.

– Тёмная Шестёрка, – сказал он вслух. – Если собирать, так уж всех. И драконов, и их. Уккарона, Дарру, Аххи, Сиррина, Зенду, Шаадана – всех.

Воцарилась изумлённая тишина.

– Тёмная Шестёрка? – поднял брови Сфайрат. – А что... можно, конечно, но...

– Мы успеем, – прозвенел голосок Рыси. – Я смогу, я быстрая.

– Ты быстрая, но здесь потребна особая быстрота. Надо собрать все силы, Фесс. И Клару, и Шестерых – если, конечно, они тебя послушают.

– В конце концов, некромант я или кто? Хотя Сущность готова к подобной атаке, – медленно проговорил Фесс. Всё-таки он не зря входил в новую, воздвигавшуюся по его воле и видимую ему одному Чёрную башню – там, в Аркине. – Она ждёт силы, мощи, натиска. Артефактов, ты прав, инквизитор. И Она готова отразить всё это. Что, в общем, неудивительно – после полутора-то тысяч лет подготовки. Сперва я ведь тоже хотел кинуться следом за Кларой, мне казалось, что всё кончено, что без Мечей я – ничто, и надежды на победу рассыпались во прах. Но потом... – некромант глубоко вздохнул. Он приступал к самой трудной части. – Мы можем планировать и рисовать стрелки на картах. Сущности от этого ни жарко и ни холодно. Она будет спокойно ждать. И Она не допускает ошибок. Не стоит надеяться, что Она создаст какое-то материальное вместилище для своей мощи, которое можно разрушить обычной магией.

– Прекрасные рассуждения, – зло перебил Этлау. – Но что потом?

– У нас – половина Аркинского Ключа, ключа ко всей неуспокоенности Эвиала, – не обращая внимания на инквизитора, продолжал Фесс. – Завеса, отгораживающая Сущность от нашего мира, двойка – она сдерживает Западную Тьму, но также и не пропускает никого к ней. Мы не знаем – пока не знаем! – что за половина попала нам в руки и что она может: открыть ли дорогу Сущности, или, напротив, пропустить нас к ней. Надеюсь, что мудрый Сфайрат поможет ответить на это; я сам приложу все усилия, хотя, наверное, точно не сможет сказать даже сам Салладорец. Как бы то ни было, эта половина Ключа – наша самая большая надежда. Эвенгару ведь требовался артефакт целиком, он не собирался его разнимать. И если я правильно понял его намерения, то сейчас у него один выход – попытаться добыть вторую половину, силой ли, хитростью ли.

– А почему он не может исполнить задуманное с той половиной Ключа, что откроет дорогу Сущности? – спросила Эйтери.

– Потому что, я полагаю, Салладорец задумал нечто совершенно иное, нежели просто высвобождение Западной Тьмы, трансформу мира и «очищение его от людей». Эвенгар – исследователь... и сейчас он ставит самый главный эксперимент своей жизни. Ему недостаточно просто выпустить Сущность из клетки и потом покорно ждать, когда Она явится за ним. Он не из таких, он хочет управлять, а не болтаться на ниточке.

– Ты знаешь всё это, некромант, или просто вещаешь? – недовольно скривился инквизитор. – Придумываешь?

– Я несколько раз сталкивался с Эвенгаром. Я помню, что рассказывал о нём Даэнур. Салладорец легко мог добиться власти, он достаточно хитёр. При его-то способностях, полагаю, возникни у него такое желание, он состоял бы в преотличных отношениях со Святой Инквизицией. Подобно королеве Вейде. Но Салладорцем двигало нечто иное, и... – Фесс заколебался, – и это не только банальное властолюбие. Он хочет проникнуть в инобытие так глубоко, как это не удавалось ещё никому из смертных или бессмертных, а весь Эвиал для него – не более, чем набор стеклянных колб и калительных печей для мастера-алхимика. Но есть и ещё одно. У него имеются могущественные союзники. Те, кто помогал ему с самого начала стать именно Эвенгаром Салладорским, величайшим Тёмным магом Эвиала... – и некромант повторил свои рассуждения о Салладорце и Атлике.

– Смелое утверждение, Фесс, – заметил Сфайрат. – Не слишком ли многое ты оставляешь на долю чистого воображения?

– Не слишком. Меня легко проверить. Если отбросить всё прочее и сосредоточиться только на Аркинском Ключе, то получается вот что: Салладорец бежал из Аркина примерно на восемь часов раньше, чем мы. Если я прав, он попытается взять нас за глотку ещё до сегодняшнего вечера. Ему тоже есть что терять, и ему тоже надо спешить.

– А если нет? – не уступал Этлау.

– Тогда нам остаётся только собрать всё, что у нас есть... и двинуться на запад. С помощью драконов, разумеется. Но мне кажется, Салладорцу так нужен целый Ключ. Физиономия у него была... скажем так, нерадостная, когда я вырвал у него половину артефакта. Думаю, тут ему не помогут даже союзники.

– И это всё? Больше ничего? Никаких доказательств?

– Салладорец искусно подгадал так, чтобы удар его птенцов совпал со штурмом Аркина имперским флотом, – начал было Фесс.

– Это азбука стратегии, – перебивая, пожал плечами Сфайрат. – И отлично укладывается в теорию, что сам Эвенгар – всего лишь марионетка Западной Тьмы.

– Птенцы и флот Клешней не пытались помочь друг другу. Они не взаимодействовали. Каждый был сам по себе. Атлика уничтожила Арвест, когда ничто не могло помешать ало-зелёным взять город и двинуться дальше.

– Ну, и что? Допустим. Разве это доказывает, что Салладорцем движет нечто большее, чем желание поспособствовать «великой трансформе»?

– Если бы он должен был просто завладеть Ключом, ему не потребовались бы никакие птенцы, – возразил Фесс. – Эвенгар просто появился посреди сражения, произнёс несколько выпрєнных фраз и исчез, мгновенно перенесясь именно туда, где хранился Ключ. Спрашивается, что ему мешало сделать это раньше, тихо и бесшумно, не привлекая к себе внимания?

– Он говорил о том, что Аркин хорошо защищён, – напомнил инквизитор. – И птенцов следовало принести в жертву, чтобы открылась дорога...

– Я бы не верил этому так безоглядно. Что, Курия немедленно бы обнаружила Эвенгара, приблизься он к стенам Святого города?

– Ну, а вдруг? – не отступал Этлау. – Вдруг всё так и есть?

– Мне такая магия неизвестна. А драконам?

Сфайрат покачал головой.

– Моя память крови молчит.

– Моя тоже, – подала голос Рыся.

– Вне зависимости, какая половина Ключа у него в руках, Салладорец от второй не отступит, – стоял на своём и Фесс. – Если ему нужно просто открыть дорогу Сущности, то хватит и половины.

– Да, но как узнать, какая осталась у нас? – задумался Сфайрат. – Ты говорил, тебе потребуется моя помощь, некромант?

– Если многомудрый Хранитель позволит зачерпнуть силы непосредственно у доверенного ему Кристалла Магии, я, наверное, смогу это сделать, – Фесс взглянул прямо в глаза дракону.

Все так и обмерли.

– Ты понимаешь, о чём просишь, человеце? – с трудом справился с яростью Сфайрат. – Кристалл...

– Один из восьми оставшихся источников магии Эвиала...

– Да, но не «источник»! То, что преобразует, трансформирует, то, что...

– Какая разница! – резко перебил некромант. – Я возьму многое, тут малым не обойдётся, но иначе никак не получится.

– Ты знаешь, что станешь делать, Неясыть? – Эйтери осторожно коснулась его рукава. – Тебе ведомы формулы, прописи, рецепты?

– Нет, – честно признался Фесс. – Ничего такого мне не ведомо. Только наитие, Сотворяющая. Но разве ты не изобретала собственных эликсиров? Разве ты всегда следовала лишь записанному в книгах?

– Нет, но...

– Вот и я тоже. Слушайте все! Если у нас та половина Ключа, что откроет дорогу Сущности на восток, – то можно кричать «осанна!» и «аллилуйя», я ничего не спутал, Этлау? – и мы можем спокойно ждать визита Салладорца. Ну, а если у нас то, что откроет *нам* доступ к Западной Тьме... тогда, опять же, ждём Эвенгара в гости, если я всё правильно предположил. Хотя тут, признаюсь, возникает неопределённость.

– А если нет? Если Эвенгар не станет марать руки о такую мелочь?

– Соберём драконов. Воззовём к Тёмной Шестёрке. И будем драться – до последнего издыхания. Постараемся опередить Тёмного мага, едва ли он может в единый миг оказаться там, на дальнем западе...

– То есть по Старому Свету он прыгать может, как хочет, а к Ней – ни-ни? Я б на такое не слишком надеялся...

– Больше нам ничего не остаётся, Этлау.

– А Эвенгар не может определить, что за половина Ключа попала к нему в руки?

– Не знаю, Эйтери. Может, сумеет. Может, нет. Но для этого ему тоже потребуется Кристалл Магии. Салладорец оставит нас в покое, только если Сфайрат прав, и весь «план» Эвенгара – это освободить Сущность, и в руки ему попала именно та часть Аркинского Ключа, что нужно. В любом случае ждать нам осталось недолго, и мешкать я не намерен. Многомудрый, могу ли я воспользоваться Кристаллом? – обратился Фесс к дракону. Сфайрат угрюмо молчал, и когда некромант уже отчаялся дожидаться его согласия, вдруг кивнул – действуй, Кэр Лаэда.

– Папа! – Рысь вдруг кинулась ему на шею. – Папа, не надо. Папа, ну, пожалуйста, не надо!..

По щекам драконицы катились крупные слёзы.

– Почему, дочка, почему? – шепнул Фесс ей на ухо, обнимая за плечи. – Что тут такого?

– Кристалл не выдержит, я боюсь, – так же шёпотом ответила она.

– Выдержит, дочка. Я постараюсь. – Он осторожно отстранился. – Рыся, милая моя, ступай, я...

Она только покачала головой.

– Я буду рядом.

– Глупая. А если со мной что-то случится? Хочешь, чтобы у Эйтери оказалось разом двое пациентов? Нет, иди, иди, пожалуйста. Будь рядом с Сотворяющей. И... помоги ей, если что.

Фесс выпустил худые плечики Аэсоннэ и решительно повернулся к ней спиной.

Всё, больше ничего нету. Ни пещеры, ни скал вокруг, ни всей разношёрстной компании. Даже Рыси, Аэсоннэ, дочери, – и той нету. Остались только он и Кристалл. Да ещё чёрные кубики Ключа. Сфайрат неправ – человеческим рукам такого не создать.

Пальцы сами вновь сомкнулись на тяжёлом шестиграннике.

Чёрная башня всегда со мной, но сейчас она должна немного подождать.

Кристалл ярился в небывалом бешенстве. Волны пламени катились из глубины, бились изнутри в отполированные грани, и Фессу казалось, что исполинский камень вот-вот лопнет, взорвётся, раздираемый сошедшимися в смертельной схватке силами.

Некромант осторожно протянул руку; чёрные кубики Аркинского Ключа коснулись поверхности кристалла; магический камень был горяч, словно под ним кипел жидкий подземный огонь.

Фесс отступил на два шага, крепче сжал в левом кулаке заветный шестигранник истока. Сдавил его, морщась от боли, и уже не удивился стремительно изменяющемуся миру вокруг.

Пещера становилась библиотечным залом Чёрной башни; тянулись вдаль галереи книжных полок, прогибающихся под тяжестью массивных томов. Однако на сей раз прямо посреди пола, раздробив тёмную плиту, возвышался полыхающий кристалл; его сила боролась с мощью вынесенного из Башни амулета. Чудом удерживаясь на вершине, чернели кубики заветного Ключа; рвущееся из Кристалла пламя, казалось, пронзает их насквозь.

Искать подходящие заклятья среди этих бесчисленных инкунабул? Безнадёжное занятие.

Фессу казалось, что решение вот-вот придёт само, вынырнет из глубины памяти, он чувствовал это, подобно стоящему на пороге человеку, готовому сделать следующий шаг.

Но вместо этого с одной из полок вдруг сорвалась книга и, трепеща страницами, точно дикий стрекоча, зависла в воздухе прямо перед ним. Изумлённый, Фесс уставился в раскрывшийся том.

Написано на непонятном языке, похоже на иероглифы Синь-И, хотя откуда в восточной державе могли знать хоть что-то об Аркинском Ключе?

А прямо посередине желтоватой страницы оказался начертанный тёмно-красным рисунком: череда странных сцепленных кубиков на вершине кристалла. И это как две капли воды походило на реальность – именно так положил Фесс доставшуюся ему половину артефакта. Иероглифы поплыли, срываясь со своих мест, точно осенние листья в ручье.

– Делай, как я говорю, – прозвучал тот самый грудной голос, что благодарил некроманта за освобождение, в том самом видении, где поури и ещё шестеро странных существ крушили Чёрную башню. – Окропи Ключ кровью, смотри, она у тебя уже течёт...

– Я сам! – выдавил из себя некромант. – Я... должен... сам...

– Ну, конечно, конечно, гордость человеческая, – вздохнул голос. – Окропи Ключ, не мешкай. У нас мало времени.

– Кто ты?!

– Ещё не понял? Тогда и говорить не стану, незачем зря раскачивать Весы. Торопись, некромант, ради всего для тебя святого, торопись!

Фесс шагнул к пылающему Кристаллу, вытянул подрагивающую руку. Сквозь сжимающие шестигранник пальцы сочились быстрые тёмные струйки.

Ключ вспыхнул ослепительно белым, едва его поверхности коснулась первая капля. Вторая разбилась роем мгновенно сгоревшей пыли, ударившись о горящий камень магии.

Иероглифы тем временем продолжали свой танец, и теперь они уже не казались бессмысленными. Повинуясь смутному наитию, некромант потянулся к Кристаллу, словно окунаясь в раскаленную купель, зашипел от боли. Взор застлало яростное сияние, и среди него – белый росчерк пылающего нестерпимым, слепящим светом Ключа. Поток силы – несдерживаемый, неостановимый – подхватил Фесса, швырнул его к стене Чёрной башни, словно норовя вырвать из-под горных корней, вновь унести туда, к последнему пределу, где от неба до земли поднялась непроницаемая стена, стена не-мрака и не-тмы, стена не из этого мира, преграда, воздвигнутая нечеловеческими силами, сплетавшимися в диких плясках, ещё когда не было ни самого Эвиала, ни иных, куда более древних миров, когда не было вообще ничего, один только Хаос, великий, беспредельный, не имеющий начала, но – могущий встретить свой конец: это пронеслась вдруг искажённая яростью морда козлоногого.

...Однако камни Башни выдержали. Человеческое тело тупо ударилось о них, рухнуло на пол, застонало, попыталось подняться.

Там, где был Кристалл, крутился тугой огненный вихрь, в нём плавал сияющий Ключ; со стороны надвинулась тёмная завеса, простроченная пламенными нитями; цепочка полыхающих кубиков, куда больше похожая на детскую игрушку, чем на могущественный артефакт, поплыла ей навстречу, слилась с ней, и...

Медный звон басовитого колокола. Тёмная завеса разлетелась тысячами острых осколков, а следом за ней хлынуло Нечто, то самое, описать кое не удалось бы никакими словами. Некроманта вторично сбilo с ног, однако он удержался на одном колене; перед его глазами словно развёртывалась невиданная битва – Кристалл Магии тоже взорвался, алые брызги смешались с чёрными, и огонь схлестнулся с серой мглой, прорезал её, опрокинул и погнал вспять.

– Наш Ключ... наш... – вырвалось у некроманта.

Эта половина Аркинского артефакта, похоже, отпирала именно ту часть барьера, что не допускала никого к Западной Тьме, оставляя в неприкосновенности преграду, удерживавшую саму Сущность.

Фесс почувствовал, как из глаз покатались слёзы.

Им повезло. В кои веки, после стольких неудач судьба улыбнулась им.

Окровавленные пальцы разжались, шестигранник выскользнул и покатился по полу; Чёрная башня послушно стала таять, рассыпаясь лёгким туманом.

Он вновь оказался на холодном полу Сфайратовой пещеры, и к нему с воплем мчалась Рысь. И... он смотрел на мир нечеловеческими глазами.

Некромант разом видел всё, и спереди, и сбоку, и сзади. Шевельнулся – по камню что-то заскрежетало, словно драконья чешуя.

Ужас резанул острой бритвой по внутренностям, готовый расплескаться вокруг слепым безумием, но чудовищное наваждение уже проходило, глаза вновь, как и положено, смотрели прямо перед собой, и тело вновь облекала кожа, а не подвижная костяная броня.

Рысь на миг замерла как вкопанная, а потом бросилась поднимать Фесса.

– Папа, пап, что это было? Что с тобой? Ты в кого превращался?..

– Ни в кого я не превращался, – некромант заставил себя улыбнуться. – Это морок, отражение от заклятья. Со мной всё в порядке, дочка.

– Д-да? – Рысь, похоже, не слишком ему поверила. – А то тут такое вместо тебя появилось, у-у-у, страх один, да и только!

– Что, дракон?

– Если бы! Кабан – не кабан, но что-то вроде. Клычищи – во! Сфайрат бы обзавидовался. Лапы – что две моих шеи, когда я – не Рысь, а Аэсоннэ.

– Всё прошло, – повторил некромант. – Мало ли, что привидится, когда такие заклятья в ход идут...

Он скосил глаза – половина Аркинского Ключа, целая и невредимая, по-прежнему возлежала на вершине пламенеющего Кристалла. Черные кубики, прочерченные огнём грани.

– Нам удалось, дочка, – Фесс с трудом поднялся, опираясь на руку драконицы.

– Что удалось?.. Ой, пап, да ты ж весь в крови!

– Не преувеличивай, всего-то ладонь порезал... – Он поспешил подобрать заветный шестигранник.

– Эйтери! Эйтери-и! – заверещала негодная драконица, но Сотворяющую не требовалось подгонять, она уже была рядом, на бегу раскрывая заветную сумку со снадобьями и эликсирами.

– Опять! – всплеснула руками гнома. – Теперь левую, эвон, искромсал?.. Держи его, Аэ, а то у меня кровоедка жгучая...

Подоспели и Сфайрат с Этлау.

– Вот именно так ты, мэтр Лаэда, и перекидывался там, в Аркине, – проворчал инквизитор. – Смотри, нас не сожри ненароком. А то, не ровён час, и ты, словно волколак...

– Я не волколак и даже не верволк, – фыркнул некромант, морщась от боли в порезанной ладони: Эйтери не жалела снадобья, и впрямь оказавшегося жгучим, точно пламя. – Это просто отдача, ну, после заклинания...

– Не хотел бы я с тобой схватиться, если это и впрямь – превращение, – покачал головой Сфайрат. – Но...

– Мне удалось, – предвосхищая вопросы, быстро проговорил Фесс, меняя тему. – Ключ откроет нам дорогу к Западной Тьме, но не выпустит Её на свободу.

Его слова встретил дружный вздох облегчения.

– Повезло. Что тут говорить, повезло, – покачал головой Этлау. – Услыхал Он мои молитвы... – преподобный осёкся, втянул голову в плечи и даже зажал себе рот ладонью. – Если, конечно, успеем...

– Будет тебе, Отступник, – усмехнулся Сфайрат. – Ну что ж, Фесс, всё как ты говорил – если ты прав, то Эвенгар явится за недостающей половиной, ну, а если не явится...

– Надо послать весть остальным драконам. На случай, если не явится.

– Уже давно сделано, Фесс. За кого ты меня принимаешь? Все мои... и Аэсоннэ, конечно, тоже, – быстро поправился он, – сородичи уже спешат сюда. Спешат изо всех сил.

Рысь как-то не шибко уверенно поправила волосы.

– Ничего, не бойся, милая моя, – Эйтери обняла юную драконицу за плечи. – Я не я буду, если ты не произведёшь среди них настоящего фурора...

– Какого ещё фурора?! – рявкнул Сфайрат. – Сотворяющая, оставь эти глупости. Нарядами и притираниями займётесь после... если мы, конечно, уцелеем.

– Уцелеем, уцелеем, конечно же, уцелеем, – закивала Эйтери. – Все уцелеем, всё будет хорошо...

– Так, может, не мешкать? – Этлау беспрерывно потирал руки от нетерпения. – Зачем нам дожидаться Салладорца, которому, быть может, всё это и не нужно? Может, он уже на западе, может, уже готовится... начать трансформу, убереги нас от этого... кто-нибудь!

– Не «кто-нибудь», а мы сами, – мрачно поправил его Сфайрат. – Но нам всё равно надо дожидаться остальных драконов. Только когда нас девять, мы способны обогнать само время.

– Эвенгар придёт, – убеждённо повторил некромант. – А нам ещё ведь предстоит разобратся с Империей Клешной.

– А чего с ними разбираться? – искренне удивился инквизитор. – Слуги Западной Тьмы, пропащие души, предавшиеся, гм, самой разнузданной некромантии, какая только возможна. Боюсь даже себе представить силу, потребную, чтобы двигать брошенные на Аркин орды этих зомби...

– Мне вот донельзя интересно, зачем им вообще понадобился этот штурм Святого города?

– Как это «зачем понадобился»? – фыркнул инквизитор. – Аркин – твердыня Церкви, опора духа. Думаешь, ничья вера не пошатнётся, когда весть о падении Аркинского понтификата разойдётся по Старому Свету? Думаешь, после этого Клешням не станет легче?

Фесс покачал головой.

– Это не обычная война. Вспомни Арвест, преподобный отче. Разве это был просто налёт? Тогда против нас ещё шли живые воины, обычные люди. Но как они себя вели?... Разве Клешни пытались закрепиться на западных берегах? Ведь Арвест был не первый.

– Верно, – кивнул Сфайрат. – Драконы помнят. Клешни время от времени высаживались в Семиградье, почему-то именно там. Дворцовые многодумцы Эбина считали, что Империя пытается захватить там портовый город, откуда начнёт планомерное завоевание Старого Света.

– Не нужен им Старый Свет, – убеждённо проговорила вдруг Эйтери. – Ничего им не нужно, они все уже сами там мёртвые, мёртвые правят, мёртвые ходят, мёртвые воюют...

– Поэтично, но едва ли верно, – едко проговорил Сфайрат. – Не стоит, однако, отходить далеко в сторону. Да, Клешни – очень странны. Род драконов не помнит ничего подобного в Эвиале. Но что из этого следует, Фесс? Мне всегда казалось, что Империя – просто орудие Западной Тьмы, отсюда и все странности.

– Верно. Орудие. Но кто им повелевает? Сущность или Салладорец?

– Одно другого стоит, – буркнул Сфайрат. – Не вижу большой разницы.

– Есть разница, – проговорил некромант. – Одно дело, если набег придумали там, на Клешнях, и совсем другое, если это дело рук Эвенгара.

– А он не мог просто использовать обстоятельства?

– Уж слишком точно попал. Словно знал, где и когда будет нанесён удар.

– Эвенгару не откажешь в, гм, проницательности, – признался Сфайрат. – Мог и провидеть, прознать... недоступными для нас средствами.

– Мне же кажется, что весь этот штурм, от начала до конца – его идея, – покачал головой Фесс. – Я, если честно, только сейчас начал понимать, с кем мы имеем дело. Один его удар – и все в Аркине легли мёртвыми, голыми скелетами, всю плоть словно огнём спалило.

– А вы уцелели, – Сфайрат только руками развёл. – Теряюсь в догадках, Фесс.

– Я ведь уже говорил...

– У меня с головой порядок, инквизитор. Я отлично помню, что ты говорил. Но, если *ты* помнишь, я тебе ответил, что сказки меня не интересуют.

– Посмотрим, – обиделся Этлау, – как ты запоешь, когда Он сюда начнёт спускаться.

– Если «Он» начнёт спускаться, – передразнил преподобного дракон, – мой род исполнит свой долг. До конца, как и положено драконам.

– Я тебя не понимаю... – начал инквизитор, но Сфайрат только махнул рукой.

– И не поймёшь, а я тебе всё тут растолковывать не намерен, мы не в воскресной школе. Как скоро Эвенгар может оказаться здесь, Фесс?

– Я же говорил – к вечеру.

– Нет. Как скоро он сможет *добратся* досюда?

...В этот миг где-то далеко-далеко, в заоблачной выси прокатился далёкий гром, и пол в пещере ощутимо вздрогнул. Эйтери невольно ойкнула, а Сфайрат в единый миг принял свой истинный облик.

– Кажется, на твой вопрос уже ответили, о многомудрый дракон, – вздохнул Фесс.

Глава вторая

Мельин в руках узурпатора Брагги. Клавдий исполняет свою роль. Но самое главное – бароны остановили-таки козлоногих. Остановили, несмотря ни на что. Той самой магией крови, от которой он, Император, отмахивался и отпихивался. А бароны – ничего, руки испачкать не побоялись. Точнее, конечно, не «бароны», а «мятежная Радуга».

Время утекает стремительнее, чем вода из худой баклаги. Если он, Император, не покончит с этой пирамидой в самое ближайшее время, им с Тайде будет просто некуда возвращаться.

Но магия крови!.. Зарезанные дети!..

А может, это твоя собственная память мешает тебе и толкает под руку, Император? Память о детях-Дану на посыпанной песком арене, их впитывающаяся кровь, иззубренный меч в твоей руке, почти разорвавший жертве шею? Ты до смерти боишься возвращения этих воспоминаний, потому что они – квинтэссенция того, что пытались вложить в тебя воспитатели, та же Сежес? И сейчас ты прикрываешь красивыми словами собственную трусость? Разве ты колебался, когда отдал тот, самый первый приказ, бросив легионеров на подворья Орденос Семицветья? Разве ты думал о том, что случится с городом и горожанами, сколько осиротеет тех же детей, сколько их сгорит в почти неизбежном пожаре? Ведь и то сказать – не счесть малышей, сгинувших в Чёрном Городе, малышей, что не бежали, а в ужасе забивались под лавки или столы, наивно надеясь укрыться от жгучего пламени? Они ведь тоже погибли, и притом – безо всякой пользы. Да, конечно, легионы пришли в ярость. Да, простые обыватели мстили магам, и мстили безжалостно, но решающей победы ты тогда так и не достиг.

Так, может, «для блага государства» действительно следовало послушать советов Сежес и Сеамни? Сделать своими руками то, что сейчас проделали Радуга и бароны?..

Император тяжело усмехнулся.

Если уж вспоминать уроки его наставников до самого конца, то он, напротив, оказался в выигрыше. Грязная работа сделана чужими руками, ему остаётся лишь с умом воспользоваться её плодами. Пусть народ и легионы проклинают тех, кто забирает у них детей. Это неплохо. Это даже очень хорошо. Узурпатору будет не на кого опереться, кроме баронских дружин. Но, чтобы перехватить удачу, ему, Императору, нужна его собственная победа – здесь, у коричневой пирамиды.

У пирамиды, один вид которой заставляет бледнеть и дрожать даже самых закалённых центурионов.

...Солнце едва поднялось над восточным горизонтом и попыталось дотянуться пока ещё неяркими лучами-копьями до цепи угрюмых пирамид, а Серебряные Латы с гномьим хирдом уже стояли в боевых порядках и старый легат Сулла привычно рывкал на чуть замешкавшихся легионеров, вставших в строй на секунду позже соседей.

Император не собирался рисковать.

Сеамни не отходила от него ни на шаг, ни днём, ни ночью, вот и сейчас, в простой кольчуге и высоком островерхом шлеме, сидела на резвой кобылке, не сводя с пирамиды застывшего, прозревающего нечто невидимое прочим взора.

Рядом с Императором держалась и Сежес со своими помощниками: те едва не падали – ночь выдалась беспокойной, призраки тянулись бесплотными лапами к выложенной линии берегов, отступали нехотя, щеря чёрные провалы пастей. Сежес велела не тратить на них силы – не станет пирамиды, не придётся заботиться и о её бестелесных стражах.

Наступали по всем правилам. Рассыпавшиеся цепью велиты, манипулы в сомкнутом строю, прикрывшись щитами, готовые огрызнуться пронзающим ливнем пилумов. Прямоугольник хирда казался тараном, что, не заметив, снесёт любую преграду, опрокинет любого врага – вот только где он, этот враг?

...Осталась позади незримая черта, образованная амулетами и оберегами, теперь вся надежда на чары волшебников, если призраки рискнут-таки выползти под яркие солнечные лучи.

Но нет – коричневые стены приближались, а вокруг – тишина и бездвижность. Охватив пирамиду полукольцом, небольшое войско Императора продолжало наступать, угрюмые легионеры невольно горбились да выше поднимали щиты, словно ожидая ливня встречных стрел.

Здесь, вблизи от Разлома, землю выгладило, содрав с неё нежную кожу родящей почвы и оставив один голый камень – словно нарочно приглашая легион к наступлению.

До пирамиды оставалось два полёта стрелы, и манипулы невольно стали сходиться теснее, почти наваливаясь боками друг на друга.

Император опустил руку в седельную сумку, туда, где, обмотанная бычьей кожей и ремнями, лежала белая костяная печатка.

Последнее средство, если дело повернётся совсем уж скверно.

...Как всегда, «такое», если и случается, то исключительно внезапно. Против Императора не стояло могучей армии, как на Ягодной гряде, не мчалась в атаку неистовая семандрийская конница – одна лишь пирамида, за которой, как доносили разведчики, никто не прятался, да и много ли там спрячешь, если в полусотне шагов пролёт край Разлома?

Но по коричневым скатам внезапно прошла короткая судорога, а над пропастью взметнулся высоченный и широкий «зонтик» белёсой мглы, накрывший пирамиду, словно плащом.

Серебряные Латы разом остановились, не требуя команды.

Серый плотный туман впитывался коричневым камнем, втягивался в трещины, крупными каплями скатывался по ступеням; негромко, но тягуче и мрачно заныл ветер, раздирая себя о вершину пирамиды.

Всегда смирный мерин Сежес дико заржал, запрокидывая голову и едва не сбрасывая волшебницу. По граням пирамиды зазмеились трещины, осколки плит медленно поднимались и зависали в воздухе, мало-помалу складываясь в гротескные фигуры, пугающе сильно напоминающие козлоногих.

Разлом оживлял свою гвардию.

– Сежес, – произнёс Император одними губами, не поворачивая головы к чародейке, – твоя очередь, волшебница.

Её пятеро помощников, бледные и растерянные, в ужасе глядели на бывшую гордость Голубого Лива. Первой опомнилась Асмэ, схватила за руки Мерви и Диокана; Серторий подхватил Дильена, протянул другую ладонь, вместе с рыжей аколиткой замыкая кольцо.

Коричневая пирамида разваливалась всё быстрее и быстрее.

У пока ещё целого подножия споро выстраивались козлоногие, подражая Серебряным Латам тесными рядами и ровными прямоугольниками собственных «манипул».

А чародеи медлили, что-то бормотали, зажмурились и взявшись за руки. Сежес насилу успокоила своего конька, расстегнула ворот – на блистающей, точно диамантовая, цепочке висело голубое облако, орденский знак Лива.

– Сейчас, – выдохнула она, и все пятеро её помощников разом вскрикнули, точно от боли; сама чародейка изогнулась дугой, словно швыряя вперёд неподъёмную каменную глыбу.

– Вперёд, мой Император, – прошептала она и стала заваливаться набок, Вольные из числа ближней стражи едва успели подхватить исхудавшее за последнее время, почти невесомое тело.

Правитель Мельина ожидал, что в рядах козлоногих сейчас полыхнёт пламя, или туда грянет молния, или, скажем, под ними расступится земля, однако секунды текли, а на поле боя ничего не происходило.

Тем не менее Император резко вскинул правую руку, и буксинчики тотчас сыграли атаку.

Словно рождаясь из глубины, из сердца каждой манипулы, над полем повис низкий и грозный рык. Когда Серебряные Латы сойдутся на расстояние броска пилума, рычание обернётся яростным, оглушительным боевым кличем легионов, одинаково страшным и для людей, и для нелюди. Велиты вскинули луки, первые стрелы прочертили небо, взмывая по высоким дугам над полем боя, застывая на краткий миг в самой верхней точке – с тем, чтобы низринуться вниз, алчно отыскивая цель остро отточенными жалами.

Наверное, умея стрелы говорить, они сказали б, что нет ничего прекраснее этого мига на высоте, когда под тобой – сходящиеся квадраты войск, тысячи сильных и храбрых рук, внимательных глаз, напряженных ног и спин; они сказали б, что секунда, когда перед тобой, как кажется, такое множество целей – высшее блаженство; исчезающая терция времени, когда забываешь, что твой полёт задан натяжением тетивы стрелка и углом возвышения лука...

И люди бы поняли, особенно те, кто любит ссылаться на обстоятельства и кивать на Судьбу; но мы – не стрелы, и сами выбираем свой путь, мы свободны от рождения до могилы, и только сами куём свои цепи.

Ты тоже выковал свои собственные кандалы, Император. Они волочатся за тобой, звеня при каждом движении, тянут тебя назад, пригнетают к земле, у тебя нет даже той секунды, что имеют стрелы, зависнув в вершине смертоносной дуги.

Выпущенный велитами первый залп взмыл и рухнул, негустая сеть стрел накрыла выстроившихся идеальными квадратами козлоногих, со странным звуком пробивая составленные из каменных обломков тела – наконечник словно встречал сперва слой льда и потом уходил в воду.

Козлоногие не шевельнулись. Однако несколько фигур в их рядах дрогнуло и осело вниз, окутываясь облаком пыли и рассыпаясь бесформенной грудой. Оружие легионеров обрело власть над врагом, и ничего большего бывалым центурионам не требовалось.

Войска сошлись почти вплотную; велиты спешили выпустить последние стрелы и отойти назад через сжимающиеся промежутки между стенами щитов; козлоногие, потеряв десятка полтора своих, тоже не стали больше мешкать.

Немые, эти создания устремились вперёд беззвучно, без боевых криков – но от топота каменных ножищ застонала земля. Коричневой пирамиды больше не было – на её месте остался лишь небольшой рукотворный холм, высотой с обычную деревенскую избу.

Каждый из Серебряных Лат точно знал, что ему надлежит исполнить, и не нуждался в командах. Словно единое целое, манипулы извергли ливень пилумов, но, поскольку каменные твари и не думали останавливаться, первая шеренга опустилась на одно колено, укрывшись щитами и выставив длинные копья.

В следующий миг мёртвый каменный вал с грохотом налетел на воздвигшуюся плотину, выкованное человеческими руками железо хлестнуло по каменным обломкам, скреплённым иномировой магией. Козлоногие твари не имели никакого оружия, но один их удар проламывал щиты.

Серебряные Латы встретили натиск шквалом летящих из-за сомкнутых щитов пилумов и частоколом выставленных копий. Коричневая волна выплеснулась вперед, исходя словно вытекающей в воду кровью – клубящейся пылью от рушащихся наземь осколков зачарованного камня. Сежес ли сделала тварей уязвимыми для человеческой стали, или это работало старое чародейство Нерга (если, конечно, таковое вообще существовало изначально, в чём Император теперь сильно сомневался) – кто знает, во всяком случае, порождений Разлома можно было убивать, а большего в тот момент и не требовалось.

Легионеры, привыкшие сражаться и с людьми, и с магами, и с Дану, стоявшие против знаменитого гномьего хирда, бивавшие и баронов, и семандрийцев, и пиратов, схлестнувшиеся насмерть с козлоногими, когда те едва вырвались из породившей их бездны, – сейчас лишь крепче сбивали щиты да, наваливаясь левым плечом, норовили ткнуть каменного супостата

копьем, пилумом или гладиусом. За холодным воинским мастерством ветерана вскипало нечто новое.

Не просто боевой азарт, не просто желание выжить, не просто ощущение, что защищаешь свой дом и дело своё – высоко и справедливо. Нет, люди сошлись врукопашную даже не с нелюдьми, а с чем-то абсолютно несовместимым с самим миром.

С солнцем в небе, с белой косынкой облаков, прочертившей голубизну, с плавным течением рек, с бушующим гневом океанов; с холодом ледяных корон, увенчавших горы, и с жаром безводной пустыни. Даже смерти, простой и понятной, порождения пирамиды оказывались чужды целиком и полностью. Они сражались не для того, чтобы победить, они не ощущали ни боли, ни гнева, ни ненависти. Они просто шли вперёд и бездумно крушили все, что оказывалось у них на пути.

Сложенные из мертвых осколков порождения могущественной магии, не доброй и не злой, а просто запредельно чужой, эти существа сражались и не отступали, лишь потому, что не умели. Без знамён и командиров, они бились каждый в одиночку, в отличие от легионеров, чувствовавших не просто соседа по строю – но товарища, готового, если надо, прикрыть друга собой.

Строй Серебряных Лат прогнулся, но выдержал. Заманивая тварей в промежутки между манипулами, легионеры по сигналу буксинщиков разом наваливались с двух сторон, давя и круша всё, что оказывалось меж двух стен щитов. Копья били с быстротой разящих змей, легионеры, рыча, смыкали ряды над упавшими и давили, давили, давили – манипула превращалась в огромный пресс, втапывавший во прах каменных слуг пирамиды.

В яростном круговороте боя обычному бойцу кажется, что он сражается уже вечность. Что миновали эпохи и эоны, что солнце застыло на небе, пригвождённое к нему могучим чародейством. Некогда утереть пот, глаза и нос забивает едкая коричневая пыль, словно Серебряные Латы все разом очутились на каторжных каменоломнях; первые ряды орудовали уцелевшими копьями, задние же затверженными движениями метали пилумы через головы сцепившихся перед ними товарищей. Ну а те, кто лишился копий, уперев четырёхфутовые щиты в землю, пускали в ход мечи.

Легион легко менял тактику боя. Мог, как на Свилле, встретить налетающую конницу ураганом пилумов, мог броситься на противника с мечами наголо, мог давить оказавшегося упорным неприятеля сплошной стеной щитов-скутумов, когда бойцы, вкладывая в удар всю массу, старались сбить врага с ног и уже после этого поразить гладиусом.

И даже сегодня, сражаясь с порождениями вражьего чародейства, манипулы не нарушали порядок чередования в строю, дравшиеся в первых рядах ловко менялись местами с задними, отходя вглубь для краткого отдыха или чтобы перетянуть рану.

Они не думали об этом, простые солдаты Империи, но сегодня они бились так же, как и их пращуры на Берегу Черепов; медленно стягивали кольцо, и козлоногие шаг за шагом отступали, гибли от рук легионеров. Под ударами каменных чудовищ ломались щиты, разлетались щепками крепкие древки копий, шлем неудачливого легионера вдавливался в месиво, только что бывшее его плотью, но Император видел, что линия Серебряных Лат всё ближе и ближе придвигается к Разлому.

Впервые легионеры теснили тварей из бездны, и притом безо всякой магии крови.

Окружённый стражей из Вольных, Император оставался позади, приберегая небольшой боевой запас. Он видел, как гномий хирд, ошестинившись длинными пиками, рвал и втапывал в землю каменных монстров, а знамя с Царь-Горой и имперским василиском уже трепетало почти у самого Разлома; видел, как, несмотря на потери, манипулы, точно гончие, повисли на пятящихся тварях, прижимая их к самой пропасти. Не было ни времени, ни места для тонких маневров, ложных отступлений и ударов из засад: сегодня всё решалось схваткой грудь на грудь, и Серебряные Латы выдержали.

...Первая из каменных бестий очутилась на краю обрыва, попыталась уклониться от брошенного пилума, одна из лап соскользнула, и козлоногий сорвался вниз. Он падал беззвучно, и живой туман так же бесшумно, без всплеска, поглотил его.

Порождения Разлома не боялись и не отступали – их шаг за шагом выдавливали, толкали к пропасти, и срывались они, всё так же пытаясь зацепить хоть кого-то из людей, укрывающихся за избитыми, растрескавшимися щитами.

Сомкнувшийся, единый строй людей и гномов замер у обрыва. Последний из козлоногих сгинул в белёсой мгле, остались только бесформенные груды коричневых обломков. Центурионам пришлось чуть ли не силой оттаскивать легионеров от пропасти – кто-то готов был кинуться туда, очертя голову. Былой ужас исчез, как не бывало; мечи загремели о щиты (у кого они уцелели), победный салют легионов...

Холодная волна ужаса.

– Всем назад! – срывая голос, закричал Император. Не знал, почему, отчего, зачем, но так было нужно. Буксинщики заиграли отступление.

Серебряные Латы привыкли повиноваться. Когорты отхлынули от Разлома, дружно подались назад – и вовремя, потому что над пропастью взметнулась настоящая волна белой мглы, точно океанский вал; густой и плотный туман заволок то место, где совсем ещё недавно стояли упоённые победой люди; когда же мгlistый язык медленно и нехотя втянулся обратно, тел погибших там уже не оказалось – всё исчезло вместе с доспехами.

– Слава Императору! – крикнул кто-то из опомнившихся легионеров; клич подхватили десятки и сотни глоток. – Слава Императору! – гремело над бездной, и, казалось, даже сам Разлом замер в неуверенности, прислушиваясь к людскому торжеству.

– Их можно бить. – Император повернулся к бледной Сеамни. Дану за всё время сражения не проронила ни звука, не пошевелилась – замерла в седле алебастровой статуэткой. – Их можно бить, и мы их задавим, Тайде!

Бывшая Видящая молча взглянула на него – чёрные глаза полны слёз.

– Что с тобой? – опешил Император, протягивая руку и обнимая тонкие плечи.

– Это всё не настоящее, – едва слышно шепнула Дану. – Это ловушка, Гвин. Мы должны были победить, убедиться, что уж теперь-то...

– Ты так чувствуешь?

Молчаливый кивок.

Вокруг гремели приветственные крики войска, легионеры и гномы шумно радовались победе, а сам Император внезапно ощутил себя, словно на горном леднике.

Да, успех достался им поразительно легко. Конечно, и в когортах, и в хирде есть потери – но сама пирамида почти что стёрта с лица земли, воинство её защитников истреблено... однако изменилось ли хоть что-нибудь в Мельине?

Зашевелилась и застонала Сежес, пролежавшая всё это время без чувств.

Что ж, очень кстати, чародейка.

* * *

Сеамни потом призналась Императору, что почувствовала себя словно вновь в плену у Белой Тени, точно наяву услышала её смех, и поняла, что неведомый разум, управляющий Разломом, доволен точным исполнением своего плана. Сежес, едва передвигая ноги и опираясь на руку Кер-Тинора, в оставшиеся дневные часы исходила поле вдоль и поперёк, её ученики по камню перебрали то, что осталось на месте исчезнувшей пирамиды.

Легионеры с хохотом взбирались на остатки зловещего сооружения; самые остроумные решили, что стоит непременно справиться тут малую нужду.

Пирамида уничтожена, но только её надземная часть. Тот самый камень, о котором говорила Муруно, очевидно, скрывается в подземельях.

К проконсулу Клавдию помчался быстрый почтовый голубь. А Император, не дожидаясь ответа, велел разгрести завал и долбить каменное ложе некогда грозной пирамиды.

...На следующий день загремели сооруженные гномами тараны. Раздевшись до пояса, легионеры тянули веревки, раскачивали подвешенные между треногами бревна, и те падали, всей своей тяжестью раз за разом ударяя окованными остриями в неподатливый коричневый камень. И Сежес, и Сеамни попытались определить, нет ли где пустот поближе к внешней стене, однако не преуспели, развалины пирамиды успешно отразили их натиск. Помощники чародейки попытались сложить стеноломное заклинание, однако, пустив его в ход, уползли еле живые – чары отразились от руин, едва не разорвав на куски незадачливых волшебников.

Тараны оказались успешнее, правда, и они едва вгрызались в древний камень. Нутряные слои стойко сопротивлялись осаде.

Правитель Мельина, чей домен сжался сейчас до размеров лагеря его небольшого войска, терял терпение. Тараны гномов исправно и неумолимо долбили упрямые развалины, однако работа продвигалась медленно. Недопустимо медленно.

...А мятежные бароны тем временем без боя заняли Мельин, вновь и вновь повторял себе Император. Справится ли Клавдий, сумеет ли пройти по волосяному мосту, сохранить столицу, легионы и остатки имперской казны? Брагга наверняка пришёл в бешенство, узрев почти совершенно пустую сокровищницу.

Правитель Мельина не находил себе места. Это было не его сражение, он требовался там, на востоке, ему, а не прямодушному Клавдию, следовало вести переговоры с заносчивыми баронами, уже возмнившими себя победителями. От проконсула сейчас требовалось только одно – сохранить армию и её запасы, заставить мятежников уверовать в то, что они и в самом деле взяли верх...

Перед шатром горел небольшой костёр, Император невидяще смотрел на огонь.

И лишь когда ему на плечо, на железные сочленения панциря – с ним правитель Мельина расставался только ночью – легла тонкая ладошка Сеамни, Император вышел из транса.

Солнце стояло в зените, невдалеке ритмично бухали тараны. После сражения со стражами пирамиды легион Серебряных Лат и гномы заскучали – вокруг мёртвая пустыня, даже охоты не стало.

Центурионы, конечно же, мечтать не давали. Легионер или марширует, или строит лагерь, или сражается, или спит. А если он не занят ни тем ни другим, следует устраивать учения. С утра до вечера.

– Гвин.

– Тайде, всё пошло не так, – Император накрыл её ладонь своею. – Я ждал боя. Взял лучших из лучших. А сражаться не с кем! Не знаю, что мы найдём в этой пирамиде, если пробьёмся...

– Пробьёмся, – с неколебимой уверенностью сказала Сеамни. Села рядом, отбросила чёрные волосы с лица. – Мы пробьёмся, Гвин, я чувствую. На камни этих стен наложены заклятья, но они слишком стары и ослабли со временем. Тараны справятся с ними быстрее, чем я и Сежес, даже удайся нам расшифровать защитные чары.

– Я не только о пирамиде.

– Магия крови, которую пустила в ход Радуга? А чего ж ещё ожидать от мятежного Семицветья? Они останавливают вторжение, как могут.

– А что, если остановят? – шёпотом проговорил Император, не отводя взгляда от пляшущих языков пламени. – Что, если *они* спасут Мельин?..

– О-о-о... – Сеамни озабоченно взглянула в лицо любимому. – Вот оно что. Так я и знала. «Если Радуга спасёт мою Империю, достоин ли я по-прежнему бороться за её трон?» Сидишь и

думаешь, что придётся уйти в добровольное изгнание, потому что править Мельином должны те, кому удалось его защитить? И по-прежнему считаешь, что наш с Сежес совет первыми прибегнуть к человеческим жертвам был нехорош?..

– Я, наверное, плохой правитель, Тайде. Раньше мне казалось, что я пойду на всё, чтобы стереть Радугу с лица земли и отстоять мою Империю. А теперь оказалось, что готов, но не на всё. Я жертвовал легионерами, посылая их в самоубийственные атаки, я выжимал налоги с разорённых пахарей, я убивал чародеев... а оказалось, что последнего шага я сделать не могу. Слаб. Маги Радуги преспокойно резали детишек, и одержали победу, сделав то, чего не смогли мы, – остановили козлоногих. И теперь... я не знаю. Я в растерянности, Тайде. Впервые за всю эту войну. Я не колебался, бросая Империю и прыгая за тобой в Разлом, не колебался, когда мы сошлись лицом к лицу с той Белой Тенью. Не колебался на Свилле, на Ягодной гряде. И сейчас, возле Разлома, не колебался тоже. Однако... последний шаг... детей резать... – он на миг закрыл лицо руками. – Знаю, знаю, что ты сейчас скажешь. Что принцип меньшего зла требует спасения многих ценою жизни нескольких. Что, если не остановить козлоногих, погибнут вообще все дети нашего мира. Я отлично всё это знаю. У меня даже, – он усмехнулся, криво и бледно, – у меня даже есть собственный опыт в детоубийстве. Давний, конечно, но такое не забывается. Но – не могу. Ни сам, ни отдать приказ. Легче вновь броситься в тот же Разлом.

Сеамни молча покачала головой.

– Я тоже убивала детей, Гвин. Пытала и мучила невинных. Троша... что я с ним сделала... – она вздрогнула.

– Это не ты, это Иммельсторн...

– Да. Но не только. Я ненавидела вас, людей, ненавидела вашу расу. Мечтала, чтобы она сгинула вся, без остатка, чтобы повторился Берег Черепов, только уже с другим исходом. Без этого, наверное, Царь-Древо не выбрало бы меня.

– Царь-Древо отдавало Иммельсторн в руки Дану, любого Дану, разве не так?

– Так, да не так. Любого, но готового нести с его помощью смерть врагам Деревянного Меча, тем, кого ненавидели его создатели. Так что не поливай себя грязью, Гвин, милый мой. Ты побеждал во всяком бою. Даже козлоногие не смогли взять верх над твоим войском. Поэтому...

– Ты не понимаешь, Тайде, – горько проронил Император. – Если Радуга действительно одержит верх над тварями Разлома, если маги остановят вторжение, пусть даже ценою кровавых жертв, мои же легионеры отвернутся от меня. И правильно сделают – они служат не только Императору, но и Империи. Зачем им правитель, ввергнувший их родину в хаос жуткой войны, зачем им сражаться против магов, если чародеи спасают их, легионеров, чад и домочадцев? Ты думаешь, что те же Серебряные Латы...

– Серебряные Латы пойдут за тобой и в Разлом, если ты прикажешь, – строго сказала Сеамни. – Нет, Гвин, народ от тебя не отвернётся. Почему ты о нём так плохо думаешь? Неужто у народа такая короткая память и все дружно забыли, чем была Радуга до войны? Как маги жгли всех, кто мог посягнуть на их чародейские монополии, как истребляли детишек из простонародья, в ком замечена была хоть малая искра магии? Не скоро забудут люди и Шаверскую резню.

Одно благодеяние не перевесит. Волшебники ведь спасают не только других, но и себя – в первую очередь. Отбрось сомнения, Гвин, ты побеждал, пока был уверен в себе и своей правоте. Ничего не изменилось, поверь. Нам просто надлежит чуточку поторопиться. – Дану легко вспорхнула с места. – Пойду, попрошу легионеров постараться.

Однако Сеамни не успела сделать и пары шагов – навстречу ей, чуть ли не расталкивая молчаливую стражу Вольных, выкатился Баламут, весь перемазанный коричневатой каменной пылью.

Запыхавшийся от быстрого бега гном, глядя прямо в глаза Императору, выдохнул только одно слово:

– Пробились!

Правитель Мельина поднялся.

– Пробились, мой Император, пробились! – Гном Баламут аж подпрыгивал от нетерпения. – Ка-ак раскачали таран, да ка-ак вдарили! Кирпичи до неба полетели!

– И что там? Что, Баламут?

– Там? Дыра, мой Император! – бодро отрапортовал гном. – Мы сразу же стражу поставили, а я побежал к твоей милости.

– Ну, пора, – повелитель Мельина встал, повёл плечами. Привычная тяжесть кованого доспеха уже почти и не тяготила.

– Я с тобой, – тотчас вскочила и Сеамни.

Император только покачал головой.

– Я с тобой, – с напором повторила Дану.

– Нет. Я пойду с Сежес. Больше – никого. Это главная пирамида, Тайде, тут, под ней, прости за высокий слог, скрыто главное зло. Может, оно нас и сожрёт, но я надеюсь, что при этом подавится. – Император откинул полог шатра. Пропустив вперед Сеамни, шагнул вперед.

– Гвин...

– Нет, Тайде, нет. Я стану думать о тебе, а не о деле. Если же придётся жертвовать собой, то...

– То ради дела, а не для того, чтобы меня спасти?

– Не обижайся. – Император осторожно коснулся её волос цвета воронова крыла. – Я должен отдать жизнь так, чтобы избыть Разлом и его тварей. Хотя, конечно, никто заранее ничего отдавать не собирается, это я только для красного словца... Впрочем... – Император тряхнул головой и через силу улыбнулся, – мы ещё посмотрим.

Сеамни гордо выпрямилась, вытерла слёзы.

– Другая на моём месте вцепилась бы в тебя зубами и ногтями – за то, что ты, подлый мужичонка, ставишь свою мужчинскую Империю выше меня, – она ещё пыталась шутить. – Но я тебя знаю. Империю и в самом деле значит... – она не договорила: «больше меня», из всех сил пытаясь скрыть тревогу за любимого.

– Тайде. Вы с ней стоите рядом, Империю и ты. Но я уже один раз отрёкся от державы – ради тебя. И не хочу лишиться тебя вторично. Мы отправимся вместе с Сежес. На разведку. Вдруг нам повезёт? Должен же хоть раз выпасть наш расклад!

– В игре с Разломом, Гвин, не выпадет.

– Значит, перевернём стол, а карты выбросим, – ухмыльнулся Император.

– Я буду ждать, – негромко произнесла Сеамни, отворачиваясь. – Нет-нет, не целуй меня и не обнимай. Это получится как бы прощание, а я прощаться с тобой не желаю. Предпочту вообразить, что ты изменяешь мне с... с младой... гм... младой землепашкой на стоге свежескошенного сена.

– Я – и тебе изменяю?! – с шутливой искренностью возмутился Император. – С землепашкой? Откуда ты только таких слов-то набралась?

Сеамни улыбнулась, приложив ладошку к его губам.

– Я знаю, родной. Не надо ничего говорить. Просто иди – и возвращайся. Поскорее. Очень тебя прошу. Ты вернёшься, ты отдохнёшь... а потом я покажу тебе, что все землепашки нам, Дану, и в подмётки не годятся. Иди, – и она слегка подтолкнула его в спину.

Лагерь императорского войска гудел, прослышав об успехе стенобойной команды. Легионеры помоложе и не столь опытные, наверное, только и делали бы, что строили предположения – что же может ждать их внутри, но Серебряные Латы просто готовились к новому бою. Точильные камни лишний раз проходились по лезвиям гладиусов и остриям пилумов; подтя-

гивались шлемные ремни и завязки доспехов, проверялись щиты, поручни и поножи. Легко-раненные костерили лекарей и требовали, чтобы их вернули в строй.

Сборы Императора были недолги: побольше факелов и воды. И вот уже отданы распоряжения Сулле и прочим – ждать их с Сежес до следующего дня, если не вернуться – попытаться пройти по следу, если дорожка оборвётся и поиски потайной ловушки ни к чему не приведут – уходить к Клавдию.

...Он должен был отдать этот приказ, хотя прекрасно понимал – «уход к Клавдию» всего лишь ненадолго отсрочит полную и всеобщую гибель.

Сежес, в кожаных штанах и короткой кожаной куртке, с широким ножом у пояса, сейчас больше напоминала заправского пирата с южного взморья, чем чинную и добропорядочную чародейку из почтенного и уважаемого магического ордена. Рядом с волшебницей зачем-то топтался Баламут, какой-то до странного тихий и потерянный. В руках гном мял объёмистую деревянную флягу.

– Благодарю моего Императора за доверие, – поклонилась Сежес. – Я слышала, что мы идём вдвоём?

Правитель Мельина молча кивнул.

Сежес улыбнулась.

– Я рада, – серьёзно сказала она. – Очень рада... что в конце концов мы теперь – не два вцепившихся друг другу в горло врага.

Глаза Императора чуть заметно сузились. Да, он помнил всё. Жгучее желание мести, жгучая нутряная ненависть, от которой нет спасения.

– Сейчас не время для подобных разговоров, Сежес, честное слово, – холодно прервал волшебницу Император. – Что было, то было, и нет смысла повторять. Многое изменилось, очень многое. Нас по-прежнему разделяет прошлое, но ворошить его бессмысленно. Когда-то я черпал в ненависти силы. Сейчас они приходят сами. И я больше не жажду мщения.

– Я... я счастлива слышать это, – неожиданно смутилась волшебница. – Пролилось много крови, повелитель, большей частью – невинной... но Радуга должна принять на себя ответственность. Мы растили послушного волкодава и не заметили, что получился вольный волк, ненавидящий клетки, даже если они позолоченные, в миске – самая лучшая еда, а для случки регулярно приводят самых лучших самок... – Щёки Сежес запылали румянцем, она покачала головой. – Мы возомнили себя истинными хозяевами людских судеб. Но хозяева не живут в таком страхе. А мы жили, хотя и боялись себе в этом признаться. А потом это кончилось тем, чем и должно было – огнём в Чёрном Городе, и магичками, изнасилованными разъярённой толпой.

Пальцы чародейки судорожно тискали наборную рукоять ножа.

Император не прерывал. Сежес требовалось выговориться – они оба понимали, что эта вылазка, как ни обманывай себя и как ни подавляй «высокие слова», на самом деле может оказаться для них последней.

– Отдал ли мой Император все необходимые распоряжения? – кашлянув, осторожно осведомилась Сежес.

– Да, конечно, – спокойно кивнул тот. – Всё как обычно. Империя не останется без престололюбителя – пусть Брагга сколь угодно коронует себя в Мельине и именуется властителем.

– Повелитель оставил в Мельине императорские регалии, – напомнила волшебница. – Для многих простолюдинов это кое-что будет значить. На ком подлинная корона – тот и подлинный император.

– Мы всё равно ничего отсюда не изменим. Я верю Клавдию. Он не предаст. И знаешь, почему, Сежес? Потому что он верен не мне, а Империи. Её благу.

– Высокие материи, – вздохнула волшебница. – Выкурить Браггу из Мельина будет непросто. Тем более если они и впрямь пустят в ход магию крови и смогут задержать козлоногих. Те, у кого не тронули детей, станут петь им осанну. «Ведь не у меня же беда, у других». Да и вообще, детей-то настругать – долгое ль дело?

– Высокие материи, как ты сама их назвала, – усмехнулся Император. – Ну, идём, достойная. Надеюсь, *твои* дела тоже все улажены.

– Кроме замужества дочери, – бледно улыбнулась Сежес. – Не побыть мне императорской тещей, эх, не побыть...

– Не вы ли с Сеамни Оэтаканн в два голоса советовали мне жениться на доченьке барона Брагги?

– Советовали, – вздохнула чародейка. – Потому что того требовало благо Империи, как мы его понимали. И то, что человек и Дану пришли к одним и тем же выводам...

– Всё равно ничего для меня не значит, – перебил правитель Мельина. – Я уже говорил это Сеамни, повторю и тебе, Сежес: есть компромиссы, на которые я не пойду. Даже если за это придётся заплатить властью над целой Империей.

– Я знаю, – грустно откликнулась волшебница. – Идёмте, мой повелитель. Стоя на месте, Разлом не закроешь.

– Очень точное замечание, – хмыкнул Император и проверил, легко ли меч выходит из ножен. – Идём, Сежес. Я – первым, твоё дело отыскать и обезвредить магические ловушки.

– Тогда уж позвольте мне войти впереди вас, мой Император.

– Нет, – отрезал тот. – Капканы надо искать до того, как в них попадётся, а простые пружинные мышеловки срабатывают порой не хуже самых сложных чародейских. Их ты находить не умеешь. В отличие от меня.

– Как будет угодно повелителю. – Сежес покорно склонила голову.

– Стойте, стойте! – засуетился вдруг Баламут. – Ты, госпожа чародейка, того... фляжку-то не взяла. Обещала взять и не взяла. А?

Сежес метнула на Императора быстрый и смущённый взгляд.

– Обещала, Баламут, обещала, – вроде как раздражённо оборвала она гнома. – От тебя не скроешься. Давай сюда свою отраву. Торжественно обещаю влить её в плотку самому отвратительному монстру, что нам попадётся. Ручаюсь, он тут же испустит дух.

– Испустит, сударыня моя Сежес, всенепременно испустит! – с уморительной серьёзностью закивал Баламут. – Наш гномояд – он такой, он только для чистых духом пользителен, а чудилы всякие от него мрут, что мухи осенью. У нас в пещерах, бывало, каменных крыс им травили – потом по году ни одной не появлялось!

– Рада за народ гномов, – поджала губы чародейка, однако следующие её слова совсем не вязались с отстранённо-раздражённым видом. – Ты, Баламут, тут тоже... не геройствуй сверх меры. Меня дождишь, ладно?

– Дождусь! – радостно завопил гном. – Всенепременно дождусь! И бочонок... нет, два бочонка гномояда выкачу! Такой пир устроим!..

– Только чтобы наутро никто б меня холодной водой обливать не вздумал!

– Ни-ни, государыня, как можно! Ну, да пребудут с вами силы подземные, да будут они милостивы, да... – гном отвернулся, по-прежнему бормоча под нос какие-то благословения. – Да, и ещё одно, милостивая госпожа Сежес. Вот это тоже возьмите. Берёг для себя, на крайний случай... ан нет, чую, она мне руку жечь станет, коль у себя оставлю. Возьмите, государыня, не пожалеете.

На раскрывшейся ладони гнома, тёмной и заскорузлой, пересечённой жёсткими, словно камень, буграми мозолей, лежал небольшой медальон – розовый, похожий на турмалин камень, в немудрёной серебряной оправе. Император было нахмурился, но Сежес только покраснела ещё пуще и мало что не закрылась платком, словно мельинская жеманница на выданье.

– Ты отдаешь мне гномью удачу?

– Отдаю, отдаю, госпожа, от чистого сердца отдаю. Наденьте, Царь-горой умоляю. Он, может, и неказист, ни золота, ни истинного серебра, ни бриллиантов...

– Зато камешек в нём – всем бриллиантам под стать, – закончила чародейка. – Царский подарок, Баламут. Спасибо тебе. Я не забуду.

– Да чего уж там...

– И я говорю – спасибо тебе, Баламут. Я на тебя надеюсь, – Император положил руку на плечо низкорослого воителя.

– Не сомневайтесь, повелитель. Хирд костью ляжет, но не отступит.

– Я и не сомневаюсь. Иначе тебя и твоих здесь бы не было.

...Ко вскрытому таранами ходу они шли сквозь молчаливый строй войска. Гномы и люди, легион и хирд – провожали их до самого пролома. И лишь когда Император поставил ногу на край, сотни мечей вновь разом ударили в щиты.

– Слава! – рявкнули Серебряные Латы. – Слава, слава, слава!..

– Я вернусь! – крикнул в ответ Император. По сухим глазам прошла внезапная и короткая резь. – Что вы меня славите-то, точно покойника?! Отставить, я приказываю!

Это было, конечно, не так. Умершему Императору, когда погребальный возок двигался мельинскими улицами, положено было кричать «да упокоит!», но слышать эту «славу» сейчас оказалось выше сил правителя Мельина.

Крики стихали, дисциплина брала верх.

Не оборачиваясь больше, Император нырнул в чёрный зев пролома. За спиной правителя была приторочена внушительная связка факелов. Такую же, только поменьше, взгромоздила себе на плечи волшебница.

Сежес тяжело вздохнула, зачем-то помахала легионерам и в свою очередь тоже скрылась в темноте.

Сеамни Оэтаканн осталась стоять, закрыв лицо ладонями. И стояла так, застыв неподвижной статуей, до самых сумерек, пока её не увели Вольные во главе с Кер-Тинором.

Император и Сежес сгинули безвестно.

Легат Сулла, мрачнее ночи, сидел у костра, завернувшись в плащ, словно рядовой легионер, и ждал утра – когда, согласно приказу повелителя, когорты должны двинуться на выручку.

...Свет сочился сквозь рваную рану в своде того, что осталось от грозной пирамиды, и тотчас же умирал, словно проглоченный вековой пылью, поднятой ногами Императора и его спутницы. Затасканное выражение «пахнет смертью» подходило тут как нельзя лучше. По насыпи, образованной обломками свода, Император и волшебница спустились в широкую галерею. С одной стороны виднелся близкий тупик, другой конец уходил во тьму.

– Что это за штуковину всучил тебе Баламут, чародейка? За что ты его так благодарила? Сежес вздохнула.

– Ах, эти гномьи предрассудки, повелитель... Это талисман. Якобы с частицей самого Каменного Престола. По легенде, отводит подземное зло, приносит удачу, вплоть до того, что выпущенная в упор стрела сломается в полёте. Хорошо бы, да только ерунда всё это. Сколько раз мы захватывали эти игрушки... хоть бы в одной на единый грош магии. Взяла я это, в общем, чтобы беднягу не обижать. Пришлось изобразить большое душевное волнение. Надеюсь, мой повелитель простит своей верной слуге эту небольшую инсценировку.

– Прощу. Но тебе придётся распить с ними гномюду, Сежес, как только мы вернёмся.

– Повелитель! – возопила чародейка.

– Гномы – наши союзники. Радугу они ненавидели... гм, не меньше многих людей. Если у тебя получится дружба с Баламутом...

– Да-да, я понимаю, – отвернулась Сежес. – Политика, будь она неладна. Воля ваша, повелитель, прикажите – стану и с гномами пьянствовать. Надеюсь только, вы унизите меня не зря.

– Никто тебя не унизит, Сежес. Гномояда я с тобой сам выпью. Баламуту надо будет оказать честь.

– Ну и дела, – нервно рассмеялась волшебница. – Мы едва вошли в пирамиду, и десятка шагов не сделали, а рассуждаем, как станем пировать по возвращении!

– Тогда поговорим о чём-нибудь более соответствующем месту. Что-нибудь чувствуешь, Сежес?

– Нет, мой Император. Если тут и есть ловушки, спрятали их так, что я ничего не вижу.

Император считал шаги: выходило так, что их вывело почти к краю основания пирамиды. Здесь галерея резко свернула вправо под прямым углом. Она шла под основанием более несуществующей внешней стены, коричневые плиты покрывала причудливая иероглифическая вязь. Те же символы, что и в прошлой пирамиде, вскрытой там, у морского побережья.

Тихо. Пыльно, пусто – как в склепе. Но притом и постоянный давящий поток того, что Сежес поэтически называла «дыханием смерти».

Порой Император улавливал нечто знакомое – вот это памятно по колодцу, где разыгралась последняя битва с Белой Тенью, это он ощущал, схватившись с эльфкой-вампиrom; ну и, конечно, всё вокруг постоянно и болезненно напоминало о белой перчатке – левая рука заняла, от кисти до самого плеча.

Да и сама перчатка – вот она, в тощем заплочном мешке. Страшный подарок козлоногих Император решил взять с собой. Здесь место их силы, её средоточие. Кто знает, не пригодится ли этот предательский дар?

Император был готов пустить перчатки в ход, даже если это отворит все до единой жилы в его теле. Он словно наяву видел заваливающуюся внутрь пирамиду, видел, как рушатся следом и все остальные, как начинают оплывать, осыпаться края Разлома, как сдвигается, сужается и стягивается чудовищная рана в теле Мельина. «За такое, да простятся мне высокопарные слова, и жизнь отдать не жаль», – думал Император.

Однако он шёл с мыслью «победить и вернуться», а вовсе не «победить и умереть». Что, наверное, и спасло от первой ловушки: самой простой поворотной плиты в полу, под которой пряталась яма с утыканным кольями дном.

– Славно поработали, – спокойно сказал Император, поддерживая под локоть слегка побледневшую Сежес, ойкнувшую при виде раскрывшегося провала и белеющих на дне костей – явно нечеловеческих: рогатый череп, широкий и приплюснутый, имел три глазницы.

Неведомому грабителю не повезло.

При свете факела осторожно перебрались на другую сторону. Проход резко отворачивал от внешней стены в глубь пирамиды, идти стало гораздо труднее: весь пол покрывали подозрительные выступы, выглядевшие ну донельзя похоже на верхушки рычагов, приводящих в движение спусковые устройства.

Огонь обглаживал древки факелов, Сежес послушно меняла их один за другим, а продвигались они с Императором медленно. Пирамида оказалась напигована сюрпризами. Один раз повелителя Мельина спасли лишь кованные гномами доспехи – он, наверное, не заметил очередную нажимную пластинку, в стене что-то звонко щёлкнуло, и железный дротик со звоном отлетел от стального нагрудника. Сежес испуганно охнула, но не растерялась, успев подержать едва не опрокинувшегося на спину Императора.

– Спасибо, – перевёл дух правитель Мельина. – Странно, ни одной магической западни. Словно строители вообще не знали никакого чародейства.

Он осторожно опустился на пол, на чистое место. Волшебница села рядом.

– Да, ловушки как ловушки, – кивнула Сежес. – Защита от могильных грабителей, не от волшебников.

– Может, эту пирамиду изначально возвели в мире, где не знают чародейства?

– Если верить Муруно, это не так, – заметила волшебница.

– Строители пирамид, эти змееголовые умеют перебрасывать их из одного мира в другой. И что-то мне подсказывает, что так называемая Великая Пирамида видела куда больше двух солнц.

– Интересно, – Сежес вытерла со лба пот и гарь от факела. – То есть сперва появляется эта самая «великая пирамида», а потом уж начинают разворачиваться все остальные?

– Не могу сейчас это доказать, но вспомни – Муруно говорила, что зловердная пирамида «стоит на берегу», но не была построена там. Конечно, довод не ахти какой, слабенький, чего уж там, я понимаю. Но косвенно...

– Косвенно, это конечно, – кивнула волшебница. – Не знаю только, как это нам может помочь.

– Ты права, сейчас – никак. Это так, на будущее...

– На будущее – искать мир без магии? Но Муруно же назвала нам то место, откуда к данкобарам явились создатели пирамид, – Эвиал?

– Мне это название знакомо, – спокойно сказал Император. – Я был там, Сежес, помнишь?

Волшебница кивнула.

– Конечно, помню, повелитель. Невероятное совпадение, что и говорить.

– Я не верю в *такие* совпадения. Я как раз и должен был туда попасть. Разлом соединил наши миры не случайно, и не случайно появились тут эти пирамиды.

– Очень хорошо, – мягко проговорила чародейка. – Но как это поможет нам сейчас, повелитель? Думает ли мой Император, что мы с ним вот так просто доберёмся до того самого «огненно-красного камня цвета горячей крови», о котором говорила Муруно, и... разобьём его?

– Разумеется, нет. Волшебница данкобаров говорила также, что стены «больших» пирамид не поддадутся никаким осадным машинам, однако сюда мы пробились самыми обычными таранами.

– Значит, и эта пирамида тоже... не та? – вздрогнула Сежес.

– Не знаю. Мы прошли десятки этих строений, но что у этой надо остановиться, все почувствовали тотчас...

– Не признак ли это западни? Превеликие силы, почему я об этом раньше не подумала... – Сежес схватилась за голову.

– Так или иначе, эту нам надо пройти до конца, – Император поднялся. – На месте сидючи... ну, понятно.

Узкий коридор преломлялся под прямыми углами, повторяя очертания некогда возвышавшихся внешних стен, свиваясь в квадратную спираль. От Императора и Сежес требовались поистине неимоверные усилия, чтобы не наступить, не потянуть, не передвинуть – чтобы не привести в действие одну из бесчисленных ловушек.

– Кого они тут ожидали? – сквозь зубы шипела Сежес, потерпев очередную неудачу в попытках обнаружить настоженные капканы магическим способом.

– Армию гробокопателей, не иначе, – в тон ей откликнулся Император. – Может, в том мире профессия грабителя могил распространена куда больше, чем в нашем?

– Легионеры бы здесь далеко не прошли...

– Ну, отчего же. Прошли бы. Я пока насчитал тридцать одну ловушку. Это меньше, чем полманипулы. Любой полководец скажет, что на подобные жертвы командир идти просто обязан.

Сежес вздохнула и ничего не сказала. Наверное, недоумевала про себя, почему же её Император не отдал такого очевидного для него самого приказа.

Сам же правитель Мельина вскоре почти уверился в том, что они только зря теряют время. «Дыхание смерти» дыханием смерти – для Императора это означало, что где-то рядом скрываются голодные бестелесные сущности, возможно, сородичи приснопамятной Белой Тени. Скрываются, но не нападают – почему?

...Мало-помалу они потеряли счёт времени. Менялись факелы – хорошо, что они захватили с собой изрядный запас. Ловушки закончились, теперь Император и Сежес продвигались быстрее, но тёмный коридор упрямо не желал кончаться.

– Он не становится короче, – вдруг остановилась чародейка.

– Ты заметила? Я тоже. Вот уже четыре полных круга от угла до угла ровно тридцать два шага. И не убывает.

– Нас кружит, – на сей раз Сежес побледнела уже по-настоящему.

– Кружит. А ты по-прежнему не чувствуешь никакой магии?

– Нет. Ничего.

– Тогда идём дальше, – решил Император.

...Поворот, поворот, ещё один и ещё. Тридцать два шага от угла до угла – и в трепещущем свете факела открывается всё тот же коридор, как две капли воды похожий на уже пройденный. Правитель Мельина нацарапал было на стене большой крест – ожидая, что они каким-то образом ходят по кругу – но нет, метка им больше так и не попала.

– Нет смысла идти дальше, повелитель, – не выдержала наконец Сежес. – Где-то была ошибка. Или мы таки угодили в их ловушку.

Император молча сжимал кулаки. Они угодили-таки в ловушку, волшебница совершенно права. Бессмысленно даже думать, где и как это случилось. И всё-таки, всё-таки... именно на это ведь и рассчитывали неведомые строители. Что угодившая в их лабиринт жертва остановится, повернёт назад... и, ясное дело, останется здесь навсегда.

– То-то мне подозрительным показалось, когда сошли на нет все эти проклятые штуковины. Сколько их всего было, повелитель? Тридцать одна, вы говорили?

– Тридцать две. После того разговора мы натолкнулись только на один-единственный капкан.

– Тридцать две ловушки... тридцать два шага... – забормотала Сежес. – Ну конечно! – Она вдруг хлопнула себя по лбу. – Это всё для отвода глаз. Мы идём вниз, мой Император.

– Вни-из? Я не чувствую никакого уклона, – удивился Император. – А ну-ка... У тебя найдётся монетка, Сежес?

Волшебница кивнула.

Имперский монетный двор всегда славился не только чеканкой, но и почти идеально правильной формой золотых кругляшей. Правитель Мельина поставил золотую марку на ребро – но та и не думала никуда катиться.

– Ничего не понимаю. Если ход уводит вниз, то...

– А в этом и состоит их магия... самая простая... какую и засечь труднее всего... ой!

Впереди что-то с грохотом рухнуло.

Они завернули за угол и упёрлись в тупик. Опустившаяся плита закрыла дорогу дальше. Правитель Мельина обернулся – и вторая такая же плита рухнула в дальнем конце коридора, окончательно заперев их.

– Вот так, – после некоторого молчания проговорила волшебница. – Никаких тебе нажимных пружин и прочего вздора. Пирамида сама знала, когда приводить ловушки в действие.

– Ты можешь что-нибудь сделать, Сежес?

– Вы ведь для этого меня и брали, повелитель? Ясное дело, могу. Ваша очередь светить мне, мой Император.

...Чародейка возилась очень долго, так долго, что их запас факелов съёжился до последней пятёрки. Произносила какие-то заклинания, чертила углём какие-то фигуры перед опустившимися плитами – всё напрасно.

– Я... я бессильна, повелитель, – наконец выдохнула она и отвернулась, закрыв лицо руками.

– Не шибко хорошо выходит, – хладнокровно произнёс Император, железной рукой давя в себе зашевелившийся животный ужас.

– Убьёте меня, когда станет совсем невмоготу? – подняла на него глаза Сежес. – Только... не больно чтоб. Быстро. Ужасно боюсь боли...

– Ерунда, – отрезал Император. – Никто никого убивать не будет. Ты уверена, что...

– Да, уверена, – обессиленно выдохнула чародейка. – Иначе не говорила б такое. Эти плиты охраняет магия, по сравнению с которой моя – детские забавы. И волшебство пирамиды тщательно скрыто, так хорошо, что даже в упор не разглядишь.

– Большое видится на расстоянье... – процедил сквозь зубы Император. – Твои соображения, волшебница?

– Сулла должен отправиться на поиски...

– Три десятка Серебряных Лат умрут, прежде чем доберутся до внешней плиты.

Сежес совсем низко опустила голову.

– Мне стыдно, повелитель. Но... в недавнем сражении со стражами этой пирамиды погибла почти сотня людей. В чём разница, мой Император?..

– Много раз говорил – в бою у легионера есть шанс остаться в живых. Шансов здесь у той тридцатки, что пойдёт первой, уже не будет.

Волшебница покачала головой.

– Но справиться с вторжением и возродить Империю может только мой повелитель. Без него всё прочее просто теряет смысл.

– Не всё меряется смыслом, волшебница. Некоторых вещей ты не делаешь просто потому, что не имеешь права их делать, какие бы доводы ни приводил твой трепещущий от страха смерти рассудок.

– Это не рассудок, мой Император. Это долг, а он выше рассудка. Повелитель не имеет права умирать и имеет право требовать, чтобы за него умирали другие.

Правитель Мельина только покачал головой.

– Я знаю, что Сулла не отступит. Я не могу запретить ему... отсюда. Он пойдёт по телам, как привык. Быть может, полезет первым и первым же погибнет. Будем ждать, Сежес, покуда хватит воды. Мы продержимся самое меньшее семь дней. Садись. Здесь прохладно, а нам надо экономить силы и воду. Плащ возьми, накройся.

Потянулось томительное и тягучее время. Император аккуратно загасил факел, лишний раз проверив, на месте ли огненная снасть. Сежес едва не оскорбилась – мол, не считает же повелитель её неспособной зажечь огонь?..

– Ты спокойна, волшебница? – Император нарушил становящееся тягостным молчание.

– Пытаюсь, повелитель.

– Сейчас как раз подходящее время поговорить. О былых делах.

Невидимая Сежес усмехнулась.

– О да, мой Император. Самое что ни на есть.

– Былые дела, знаешь ли, подчас не дают покоя. Ты помнишь, с чего всё начиналось? Два покушения на меня? Тот бродяга на улице, обернувшийся чудовищем, и потом – мастер Н'Дар, отправивший меня в руки Дану?

– Мастер Н’Дар? – удивилась чародейка. – Мой Император не доверил этого секрета своим верным слугам.

– Сейчас уже всё не так, как в те дни, так что, наверное, ты сможешь признаться. Покушения – они ведь случились не без участия Радуги, верно? Наверняка же кто-то у вас слал «на самый верх» доклады, что Император Мельина – болезненно горд, своеволен, и вообще «что-то замышляет»?

Сежес не отвечала, Император слышал только её дыхание.

– Сперва я заподозрил в покушении именно Семицветье. Потом пришёл к выводу, что это – дело рук Дану. Но потом... потом, когда возвращался мыслями к самому началу всего, подумал, что без помощи из Орденов Дану, стоявших на самом краю истребления, это никогда бы не удалось.

– Мой повелитель действительно хочет поворошить старое? – наконец отозвалась Сежес. – Вы же сами недавно говорили, что порой бывает лучше просто похоронить прошлое. Похоронить, может – вбить осиновый кол, что, по народным поверьям, так действенен против вампиров. Радуга в своё время наделала много всего, мой Император. Я – тоже. Я небезгрешна. Не могу сказать, что совесть моя чиста, а на руках нет невинной крови. Я отдавала приказы... всякие приказы. Человеческие жертвоприношения – втайне от всех. Контроль за нобилитетом – через их детей, которых мы забирали из семей...

– Но ведь не только благородное сословие способно к магии, верно?

– Ну, конечно же, – даже с некоторым раздражением отозвалась чародейка. – «Голубая кровь» магов – такая же выдумка, как и многое другое. Иначе откуда бы взялись многочисленные колдуны и чародейки, что называется, «из народа»?

– Так всё-таки, те покушения...

– Не знаю, мой Император. Могу лишь поклясться, что сама не отдавала такого приказа. За другие Ордена поручиться не могу. Погибший Арк вообще устроил потрясающую интригу, которая, в случае удачи, дала бы ему несказанную, невообразимую власть.

– Сеамни рассказывала. А что, неужто идея овладеть Деревянным Мечом доселе не приходила в голову никому из Семи Орденов?

– Мы мало что знали о нём тогда, – призналась Сежес. – Туманные пророчества Дану, больших любителей страшных и запутанных предсказаний, ничего больше.

– Как же узнал Арк?

– Клянусь, не ведаю, мой Император. Может, с помощью Нерга?

– А Драгнир? Алмазный Меч? Как он очутился у гномов? И почему это оказалось так замечательно совпавшим с налётом Дану?

– Я старалась не задавать себе этих вопросов, мой Император. Слишком многое требовало моего немедленного вмешательства после. А что же до покушений... Повелитель, я мечтала, что смогу примирить вас и Радугу. Что Семь Орденов станут другими, как и императорская власть...

– Семь Орденов станут другими, – жёстко отрезал Император. – По-другому и быть не может. Открытыми для всех, у кого есть способности, – во-первых. Подвластными правителю Империи – во-вторых...

– Мой повелитель, – мягко остановила его Сежес. – Быть может, строить подобные планы несколько, гм, преждевременно? Мы сидим в подземной каменной клетке, и...

– Мы выберемся отсюда, – последовал непреклонный ответ. – И одолеем козлоногих. И закроем Разлом. Если не верить в это, то и жить тогда не стоит.

– Завидую вере моего Императора.

– А ты всё-таки ушла от ответа, Сежес. От ответа на мой самый первый вопрос.

– Не надо ворошить прошлое, повелитель, – теперь и в голосе волшебницы прорезалась твёрдость.

Император усмехнулся.

– Значит, помогали... наверное, не ты сама и не твой Лив. Но – кто-то, где-то, как-то... Может, вы тогда бы и не допустили моей гибели, она вам на тот момент была не очень выгодна. Запугать, чтобы и головы не мог поднять, увести лучшие войска из столицы...

Чародейка молчала.

– Однако, – Император потянулся. Тщательно смазанные сочленения доспехов нигде не скрипнули, – пожалуй, пока лучше и впрямь помолчать. Чтобы горло зря не пересыхало.

...Но долгого молчания не выдержала уже Сежес. И принялась тихонько рассказывать о себе, о детстве в Орденском замке – её родители были магами Лива, как и она сама. О рано проснувшихся способностях, о том, чему она становилась свидетелем, как старшие, думая, что четырёхлетняя кроха ещё ничего не понимает, говорили о человеческих жертвах, о выведении новых чудовищ, о Смертном Ливне (хорошо, ибо помогает держать Империю в повиновении), о том, что простолюдины всё чаще и чаще обнаруживают способности к магии, а это недопустимо; что казни-аутодафе таких самозванных магов дают мощный выброс силы, чем пользуются все без исключения Ордена Семицветья...

– Так вот почему вам это было нужно... – проронил внимательно слушавший Император.

– Не «вам», повелитель. «Им». Я больше не часть той старой Радуги. Отреклась от неё, когда решила идти за моим Императором.

– А твои родители – они живы?

– Да, – последовал ответ, и правитель Мельина невольно удивился. Сежес оставалась неизменной всё время, сколько он себя помнил, – ослепительно красивой черноволосой женщиной, она словно не имела возраста, но казалась старой, чуть ли не древней. Хотя что ж тут удивительного – если Сежес могла отсрочить свою собственную старость, то почему это не могли её родители?

– У меня и дочь есть, притом – в брачном возрасте, – сварливо напомнила чародейка. – Уж не решил ли повелитель, что мне – лет полтораста?

Император усмехнулся.

– От магов всего можно ожидать. Где же сейчас твои отец и мать, Сежес, где твой муж?..

– Родители вместе с мятежниками, – неожиданно прямо ответила чародейка, – а муж... мужа у меня никогда не было, повелитель. Только отец моей дочери. Мы встретились и разошлись. Девочка осталась у меня.

– Где же она теперь?

– В Мельине. С Клавдием. Я не случайно упоминала её, когда говорила о свадьбе...

Беседы прерывались, Император откупоривал фляжку, позволяя женщине сделать глоток воды, которую следовало экономить.

Потом они забылись сном, кратким и не принёсшим облегчения. Вокруг по-прежнему царила мёртвая тишина, ни звука, ни стука и никаких признаков того, что Сулла пробивается им на помощь.

Доспехи Императора высасывали тепло, в подземелье царил мучительный холод.

– Не знаю, стоит ли ждать, – покачал головой правитель Мельина. Тьма давила, и он высек огня, засветив один из немногих оставшихся у них факелов.

– Но что мы можем сделать, повелитель? – Сежес лежала у стены, поджав коленки к груди и обхватив их руками.

– Многое, – спокойно ответил Император.

И – полез в заплечный мешок.

– Повелитель... – только и смогла прошептать Сежес, когда увидела на руке правителя Мельина знакомую белую перчатку.

– Вот и пригодилась, – словно давней знакомой сказал Император костяной рукавице. – Не думал, что тебя надену... однако ж вот как сошлось.

– Повелитель... не надо...

– Предлагаешь и в самом деле умереть здесь, чародейка? Я не согласен. Возвращаться смысла нет, Сежес. Вперёд и только вперёд! Жаль, что сил у меня хватит только на один... гм... одно заклинание.

Волшебница заметно дрожала, и видно было, что идея «только вперёд!» ей не слишком нравится.

– Мой повелитель... быть может, лучше всё-таки выбраться на поверхность? Начнём правильную осаду. Легионеры...

– Тут не справятся, – спокойно закончил за неё Император. – Не обманывай себя. Дороги назад нет и быть не может. За нами наблюдали. Следили. Поняли, кто мы. Разобьём одну плиту – появится следующая. Вперёд нас, может, ещё и пропустят – по вечному пренебрежению бестелесных к нам, смертным; а вот назад – ни за что. Не трусь, волшебница. Когда у тебя на плечах висят козлоногие, а весь Мельин грозит вот-вот провалиться в этот самый Разлом, – до страха ли тут за свою собственную шкуру? Ну, готова? Зажмурься, сейчас тут... станет ярко.

Сежес послушно закрыла глаза ладонями, словно маленькая девочка.

Император поднял левую руку, сжал кулак, нацелился им в преградившую путь плиту. Давно, давно он не испытывал этого чувства, давно роковая перчатка не касалась его плоти; сейчас Императору казалось, что он вновь обрёл давно отсечённую скальпелем медикуса кисть. По жилам волнами прокатывались жар пополам с болью. Император знал, какова окажется цена. Жаль, конечно, что всё лечение Нерга, купленное столь дорого, пойдёт псу под хвост... ну да ничего, живы будем (хоть на краткое время) – посчитаемся и со всебесцветными.

Правитель Мельина постарался вспомнить, как это было, когда ему удавалось разбудить силу, прячущуюся под пластинами белой кости. Ворота в баронском замке, живые факелы на Ягодной гряде, пылающая башня Кутула... его собственная кровь, превращающаяся во всеограшающий поток клубящегося пламени, рвущегося из вскрывшихся вен.

Сколько раз она приносила ему победы, эта перчатка. До того самого дня, когда потребовала возвращения долга. Козлоногие знали, что ему подарить, знали даже слишком хорошо. Почему же всё-таки кипит эта война? С врагом, способным на такие дары, можно вести переговоры, можно попытаться склонить его к компромиссу...

Нет. Враг может оказаться умён, расчётлив, хитёр, он может тонко спланировать на много ходов вперёд, но при этом глубоко презирать тебя, до такой степени, что даже сама мысль о настоящих переговорах представляется ему глубоко кощунственной. Переговоры ведут с равными. Козлоногие людей равными не считали, в этом Император не сомневался.

Назад поворачивать смысла нет, пусть трясущаяся Сежес даже и не надеется. Но идти вперёд... уж слишком охотно подставился им этот проход с ловушками, обманул, усыпил бдительность, даже для верности (чтобы уж точно не свернули) – стрельнул настоящим арбалетным болтом. И они поверили, попались на крючок, с тем чтобы оказаться в тупике, запертыми в коротком коридоре, с обеих сторон закупоренном неподъёмным камнем.

Приведёт ли дорога именно туда, куда нужно? К тому самому «камню цвета кипящей крови», о котором так выразительно и многословно рассказывала замурованная в стене чародейка неведомого народа данкобаров?

Император опустил кулак. Привычная ярость вздымалась горячечной волной, жилы на левой руке вспухали, от плеча до кончиков пальцев под кожей словно катились цепочки шариков; над белой перчаткой стала подниматься дымка – испарялся обильно проступивший пот.

Каменная преграда манила, притягивала к себе взгляд Императора, словно сама напращивалась на единственный разящий удар. Смети меня! Покажи свой гнев, сокруши все преграды, открой себе дорогу дальше, ещё дальше, до...

...до следующей такой же преграды.

Император не слышал собственного гневного рыка, не видел, как перепуганная Сежес упала на колени, пытаясь отползти и вжаться в угол; ослепительная вспышка боли, яростный жар, охвативший левую руку, – и Император Мельина, резко повернувшись, направил удар вовсе не в преграждавшую путь коричневую плиту.

...Подземелье озарилось неистовой вспышкой. Обезумевший свет смешался с загоревшейся вдруг, обращённой в нечто большее, чем просто пламя, человеческой кровью.

Кулак Императора грянул в пол предательского коридора, там, где в него упиралась преградившая путь плита, и камень взорвался облаком плавающих на лету осколков. Плоть пирамиды текла и оплывала, сорвавшееся с белой перчатки пламя вскрыло целый лабиринт подземных ходов, озарённых сейчас свирепым рыжим огнём.

А Император увидел тот самый камень, о котором толковала Муруно. Глубоко-глубоко, в самом центре паутины, кристалл, висящий прямо в воздухе, самоцвет, алый, «точно горящая кровь».

Нет, ты ошиблась, медведица, чародейка данкобаров. Я вижу, как горит моя собственная кровь, и это пламя сейчас – снежно-белое. Я словно вонзаю огненный кинжал в плоть ненавистного врага, пусть даже он сумел вцепиться мне в горло. Это уже ничего не значит, мой клинок погружается всё глубже, он уже пробил доспехи и вот-вот дойдёт до вражеского сердца.

* * *

Легат Сулла, бессильно уронив руки, выслушивал доклады гонцов. Легион пробился в глубь катакомб. Старый вояка не ждал ничего хорошего, и потому Серебряные Латы шли, обвязавшись верёвками и прикрывшись здоровенными деревянными щитами, срубленными прямо тут, наспех, когда повелитель не вернулся к сроку. Несмотря на все предосторожности, почти два десятка легионеров или погибли, или получили ранения, но лучшие бойцы Императора только скрежетали зубами и упрямо лезли вперёд, несмотря на потери.

Потом ловушки кончились. Однообразный коридор, вырубленный в сплошном камне, ничего больше. Зачарованная спираль, уходящая всё глубже и глубже, ход без конца. Опасаясь волшебства, легионеры разматывали внушительной толщины канат, способный выдержать вес десятка человек в полном вооружении; канат кончился, но никто и не подумал останавливаться.

Спуск продолжился. Спираль под остатками пирамиды увела очень далеко, так что даже Баламут признал, что они теперь – «ниже самых глубинных горизонтов», где когда-либо стучали кирки Подгорного Племена.

Ничего и никого. Император исчез бесследно.

Все эти часы Вольные не отходили от Дану по имени Сеамни Оэтаканн. Тайде не произнесла ни слова с того самого момента, как правитель Мельина скрылся в черноте пролома. Сперва стояла и просто смотрела на тёмную дыру, потом медленно вернулась в походный шатёр, села, сложила руки, закрыла глаза и погрузилась в транс. Вольные, куда лучше людей разбиравшиеся в подобных вещах, тотчас окружили её тройным кольцом. Сулла не перечил. Оставшиеся у него помощники Сежес ничего не смогли добиться. Надежда только на данку. Старый легат знал, на что она способна – Деревянный Меч впечатан в неё навечно, это скажет любой, кто был на поле битвы под Мельином.

Сеамни ничего не пила и не ела. Не шевелилась, и даже дыхание стало почти незаметным. Вольные, однако, исправно несли службу – к *гайлат* повелителя, того, кому они присягнули, не мог подступиться никто, и о каждом подрагивании её ресниц тотчас докладывалось Кер-Тинору.

Именно поэтому первые же произнесённые Дану слова, а именно: «Все прочь из-под земли!» донесли до легата Суллы незамедлительно. Сам же легат не стал выяснять, почему да

отчего, а просто приказал – «всех наверх!»; и, наверное, именно поэтому никто не погиб, когда земля тяжело вздрогнула и на месте коричневых развалин взметнулся столб слепяще-белого пламени.

Сеамни Оэтаканн резко открыла глаза и встала.

– Он здесь.

* * *

...Сежес и Императора окутывала сфера истончённого, почти прозрачного пламени. Срывавшийся с белой перчатки поток огня крушил одну за другой каменные преграды, однако Императору казалось, что это равномерно пульсирующий кристалл сам наплывает на него. Если бы правитель Мельина смог в тот миг оглядеться по сторонам, то узрел бы себя словно в вершине исполинского перевёрнутого конуса, на страшной глубине – и бесконечные извивы спиральной дороги, поднимавшейся вверх, к безнадёжно далёкому свету. Император и Сежес плавали в пустоте, вокруг них всё взрывалось и горело, крепчайшая скала испарялась, словно вода на раскалённой сковородке, однако они до сих пор оставались живы. Волшебница взидала на повелителя с благоговейным ужасом – Император сейчас походил на древнего бога, занятого в своей кузнице, в дыму, пламени и крови рождающего новый мир...

Казалось, вокруг них корчится и стонет от нестерпимой боли сам Мельин.

А потом белое пламя столкнулось с мерцающими гранями кристалла, и всё вокруг встало дыбом.

Кристалл разлетелся миллионами мельчайших брызг, в свою очередь обернувшихся языками пламени, но уже совсем иного, тёмно-багрового.

Сила вырвалась на свободу, давно пленённая и заточённая в темницу дикая сила. Незримая, в отличие от огня, она пронзала всё и вся, проникая сквозь магическую защиту белой перчатки, сквозь стальную броню императора, сквозь плоть и кровь, впечатываясь в кроветворную сердцевину костей, намертво вплавляя себя в самое человеческое естество, привнося в него такую мощь, что не сможет долго пребывать в подобном вместилище.

Правитель Мельина успел заметить выкатившиеся от боли глаза Сежес, её изломанный мукой рот, а потом небрежно надетый на шею волшебницы амулет Баламута взвился в воздух, цепочка натянулась и лопнула, камень засиял ослепительно белым, поток пламени устремился прямо в него, словно всасываясь во внезапно открывшуюся глубину. Сежес кричала – неслышимо в рёве и грохоте огненного урагана.

...Император даже не успел подумать о конце – их «пузырь» потащило вверх, он словно закачался на волнах тёмнопламенного моря, стремительно возносясь обратно к свету. Огонь затопил подземную пирамиду, его водовороты несли две жалкие фигурки всё выше и выше – до тех пор, пока не разъялась скала и Императора с Сежес не швырнуло под облачное небо, на самом краю великого Разлома.

Предохранявший их «пузырь» лопнул, и Император увидел: там, где недавно коричневели развалины, кипел водоворот, где тёмно-алое смешивалось с бледной живой плесенью, хлынувшей из ведущей в Эвиал бездны. Облака пара и жуткое зловоние – подземное пламя пожирало заливающую его мглу, но запасы Разлома казались неисчерпаемыми.

Сулле не требовалось отдавать команды – и Вольные, и легионеры сами, едва завидев Императора и Сежес на самом краю огненной бури, бросились на выручку.

Вдоль Разлома ползли новые трещины, из них вырывалось всё то же тёмное пламя. Две соседние пирамиды задрожали, их грани потрескались, из-под фундаментов протянулись к свету языки багрового огня; настоящая буря поднялась и в Разломе, мгла становилась всё плотнее, обращаясь почти в жидкость и перехлёстывая через края пропасти. Не то туман, не то взвесь, не то распылённая в воздухе слизь волна за волной заливали огнистые трещины,

точно пытаясь загасить пламя. Огонь слизывал эти волны, пар почти застилал всё происходящее, однако люди видели – две пирамиды разом рухнули, торжествующее пламя взвилось над обломками – и затухло, погребённое под настоящим девятым валом, прокатившимся от Разлома.

Живой туман побеждал. Пар ещё валил из трещин, но огненные языки исчезли. Две пирамиды лежали в руинах, но дальше дело не пошло: цепь зиккуратов осталась почти что в неприкосновенности.

Буря утихала. Пылавший в недрах огонь погас, кошмарное зловоние гнало людей прочь от Разлома; бесчувственную Сежес несли на руках Вольные, Император шагал сам, хоть и пошатываясь; левая рука повисла, ничего не чувствующая, и со сжатой в кулак латной перчатки быстро капала кровь, скатываясь по гладко-белой кости и не оставляя следов.

Тело выло от боли, рвущейся из самой глубины, из костной сердцевины; Император чувствовал себя бокалом, наполненным до самых краёв, и содержимое стремительно разъедало стеклянные стенки, оно не признавало никаких границ.

Кровь стремглав мчалась по жилам, сочилась из пор. Странно, но правитель Мельина не ощущал никакой слабости. Он умирал, он знал это, как знал и то, что долг исполнен и можно спокойно уйти.

...Нечто мохнатое, крылатое, размером с доброго медведя, глухо завывая, пронеслось над головами и с размаху рухнуло в Разлом, на лету окутываясь огненным облаком, – Император едва повернул голову. Завет волшебницы Муруно исполнен. Кристалл разрушен. Вторжение козлоногих будет остановлено.

Глава третья

– Что это, сестра? – простонала настоятельница. Она словно уже забыла, что нынешняя проводница совсем недавно была её узницей.

– Что это, государыня моя? – мрачно повторил старый вампир Эфраим. – Это, досто-почтенная, есть Западная Тьма, сиречь Сущность. Глашатай Спасителя, Его провозвестник и предтеча. Так считает Ночной Народ и так считаю я.

– Сестра? Он прав? – Настоятельница потянула Мегану за рукав, словно маленькая девочка строгую мать.

Хозяйка Волшебного Двора молчала.

Волшебница, вампир и «спасителява невеста» – более чем удивительная компания! – стояли на невысоком холме невдалеке от южных ворот Аркина. Внизу, у подножия, вилась дорога, тщательно ухоженная и замощённая, чуть дальше, за дорогой, начинались фермы, местность исчертили живые изгороди, виднелись черепичные крыши и белые стены казавшихся игрушечными домиков – здесь, вблизи Святого города, даже крестьянские жилища должны были выглядеть «прилично», дабы не оскорблять взоры аркинской Курии, когда почтенные прелаты отправлялись на юг. Северу такого внимания не уделялось, да и что там делать Его Святейшеству?

Однако и поля, и дорога – всё было совершенно пустынно, всё вымерло. И неудивительно – в море, что хорошо просматривалось с вершины, на внешнем рейде Аркина, чернели бесчисленные мачты боевых галер, и не требовалось особых познаний в военно-морском деле, чтобы определить, откуда корабли явились.

Но не галеры Империи Клешной притягивали сейчас взоры чародейки, Эфраима и настоятельницы. Они неотрывно смотрели на Аркин.

Святой город окутывала Тьма. Нет, не настоящая ночная темнота и, собственно говоря, даже не мрак, а какая-то пепельно-серая пелена, наподобие мелкой-мелкой паутины. Над престолом первосвященников Эвиала поднималась чудовищная призрачная сфера, и внутри этого «покрывала» творились какие-то совсем непонятные и очень неприятные вещи.

Мегана видела следы отпылавших пожаров: однако огонь не пожрал всё и вся на своём пути, дома остались обглоданными лишь до половины, а кое-где выгорела только крыша. Волшебница отлично знала, что остаётся после буйства пламени даже среди выстроенных из камня кварталов, – а тут его кто-то словно вовремя залил водой.

Внешний обвод аркинских стен казался невредимым, но ворота были не просто широко распахнуты, а и вовсе сорваны с петель – это огромные, неподъёмные створки из кованой стали, гордость Святого города!

Серая завеса поднималась до самых облаков, терялась в них, но хозяйка Волшебного Двора чувствовала, что эта преграда тянется выше, много выше, может, до самых звёздных сфер, а быть может, и дальше.

Несмотря на то что они стояли на холме, поверх аркинских стен им открывались лишь шпили соборов да несколько самых высоких крыш. Серая мгла застилала взоры, однако Мегана, отличавшаяся остротой зрения, видела там какое-то шевеление – и это были явно не люди. Что-то сновало вверх и вниз, сбивалось в клубки и снова распадалось, и это «что-то» на самом деле было чернее тьмы.

– Эгест, – вслух подумала чародейка. Вампир Эфраим сперва недоумённо свёл брови, но затем энергично кивнул.

– Точно, государыня. Как в Эгесте. Ночной Народ тогда по всем щелям забился, решил, что идут те, кто нас сменит...

Настоятельница упала на колени и зарыдала в голос. Нет сомнений, она тоже знала о судьбе северного города, угодившего – по милости Разрушителя – под удар Тьмы.

Мегана нервно потёрла руки. Она понятия не имела, что делать, какими заклятиями тут можно воспользоваться и поможет ли вообще хоть что-нибудь.

Эфраим с неудовольствием взглянул на рыдающую монашенку и потёр подбородок.

– Подлечу-ка я поближе. Нет, нет, один. А вы, сударыни, оставайтесь тут и помыслите, что можно предпринять. Я мигом, честное слово, и моргнуть не успеете!

Утро выдалось пасмурным, и вампиру лететь было легко; огромный нетопырь взвился в воздух и помчался прямо к серому занавесу. Только тут Мегана поняла, что завеса, хоть и медленно, но движется, растекаясь во все стороны.

Тьма сочилась сквозь пробитую брешь. Чисто академического интереса ради можно было б задаться вопросом «кто пробил?», но тут у хозяйки Волшебного Двора сомнений уже не оставалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.